

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

12.3

3 выпуска в год на многих языках

Социология говорит с
Мишель Форд

Димитра Лоуренс Ларошель

Майкл Буравой –
Публичная социология

Светлана Ярошенко
Елена Здравомыслова
Сари Ханафи
Маргарет Абрахам

Диалоги об
интерсекциональности

Кэти Дэвис
Хельма Лутц
Энн Феникс
Барбара Джiovанна Белло
Этель Тунгохан
Амунд Рейк Хоффарт

Теоретические
перспективы

Коичи Хасегава

Взгляд на ситуацию
в Украине

Наталия Черныш
Юрий Пачковский
Дари Кристеа

Открытый раздел

- > Почему необходимы сравнительные интерсекциональные данные об ЛГБТК+
- > Признание, цитирование и эпистемическая несправедливость
- > Прибыльные тела и мобильность заботы в Центральной и Восточной Европе
- > Брокеры домашнего труда: рынок Шри-Ланки и Саудовской Аравии

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 12 / ВЫПУСК 3 / ДЕКАБРЬ 2022
<https://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

> От редакции

В этом номере в рубрике «Социология говорит» мы публикуем интервью с выдающейся исследовательницей Мишель Форд, проведенном Димитрой Лоуренс Ларошель. В интервью обсуждается опыт консультаций в Международной организации труда (МОТ), вызовы, стоящие перед социальными исследователями и трудности, связанные с борьбой за трудовые права.

Первый симпозиум посвящен трудам Майкла Буравого. Будучи президентом МСА и основателем *Глобального Диалога*, он открыл дебаты о публичной и глобальной социологии. Сари Хан-афи (действующий президент МСА), Маргарет Абрахам (бывший президент МСА) и Светлана Ярошенко и Елена Здравомыслова размышляют о своем сотрудничестве с ним, о его последней книге *Public Sociology: Between Utopia and Anti-Utopia* [Публичная социология между утопией и антиутопией] и различном понимании публичной социологии.

Второй симпозиум, организованный такими выдающимися экспертами, как Кэти Дэвис и Хельма Лутц, показывают, как в разных контекстах путешествует и развивается теория и понятия интерсекциональности. Эта подборка статей посвящена влиянию понятия интерсекциональности на исследователей и активистов, изучающих и осмысливающих неравенство, власть, социальные изменения на глобальном и локальном уровнях. Анна Феникс, Джованна Белло, Этель Тугохан и Амунд Рейк Хоффарт с разных сторон освещают эту проблематику.

В теоретическом разделе Коичи Хасегава анализирует движение «Пятницы ради будущего», фокусируя внимание на его культурном фрейминге, мобилизации ресурсов и структуре политических возможностей. Он выясняет, почему эти акции оказались настолько успешными, и почему в Японии они не получили такого распространения и влияния, как в других странах.

Раздел, посвященный развитию социологии в конкретной стране, в этом номере концентрируется на агрессии и войне в Украине и положении дел в этом отношении летом 2022 года. Наталья Черныш освещает в этом контексте роль соци-

ологии в условиях постглобализации. Юрий Пачковский обращается к конкретному опыту интервенции, коллективной травме и последствиям войны. Дария Кристеа размышляет о роли социологии перед лицом «дилеммы безопасности» и о подъеме антисистемных движений и партий.

В «Открытом Разделе» Сайт Бейракдар, Эндрю Кинг и Яна Басевич обсуждают необходимость следования принципам разнообразия и интерсекциональности в научной работе, при проведении репрезентативных исследований и опросов, а также при обсуждении эпистемологических вопросов. Петра Эзедин, Кристин Краузе и Уасана Хандапангода посвящают свои статьи различным формам современной транснациональной маркетинговой заботы.

Пять лет назад мы стали редакторами *Глобального Диалога* понимая, насколько ответственной и сложной является эта задача - стать преемниками Майкла Буравого в этом предприятии. Нам на смену приходит новая редакция, и наши читатели теперь могут оценить то, что мы сделали за годы своей работы. Наша редакция вместе с нашими помощниками, Рафаэлем Дейндлом, Джоанной Грубнер, Валидом Ибрагимом и Кристине Шикерт, выражает глубокую благодарность региональным редакторам и их командам во всем мире. Они сделали наш журнал поистине глобальным и доступным широкой научной и внеакадемической общественности; выпускающие редакторы – Лола Бусуттил и Август Бага обеспечивают креативную и организационную основу. Мы благодарим также Апарну Сандар и Кристофера Эванса за их редакционную работу, президента и секретариат МСА за их постоянную поддержку и всех авторов *Глобального Диалога* за их интересные и глубокие публикации, посвященные развитию нашей дисциплины в разных уголках мира. Мы с удовольствием работали в команде *Глобального Диалога* и будем вспоминать о ней с чувством глубокого удовлетворения.

Мы рады приветствовать Брено Брингеля в качестве нового редактора *Глобального Диалога*. Д-р Брингель – международно известный политический социолог, и уже долгие годы является активным членом МСА. Несомненно, под его руководством журнал будет процветать и активно развиваться. ■

Бригитт Ауленбахер и Клаус Дёрре,
редакторы *Глобального Диалога*

> Глобальный диалог публикуется на многих языках на [сайте](#).

> Присылайте статьи на адрес: globaldialogue.isa@gmail.com.

isa International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакторский совет

Редакторы: Бригитте Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Заместители редакторов: Рафаэль Деиндль, Йоханна Грубнер, Валид Ибрахим.

Младший редактор: Кристофер Эванс.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага

Консультант: Майкл Буравой.

Медиаконсультант: Хуан Лехаррага.

Редакторы-консультанты:

Сари Ханафи, Джеффри Плейерс, Филомин Гутьеррес, Элоиза Мартин, Савако Ширахасэ, Изабела Барлинска, Това Бенски, Чи-Чжоу Джей Чэнь, Ян Фритц, Коичи Хасэгава, Хироши Ишида, Грэйс Кхуноу, Эллисон Локонто, Сьюзен МакДэниел, Элина Оинас, Лаура Озо Казас, Бандана Пуркаястха, Рода Реддок, Мунир Сайдани, Айше Сактанбер, Сели Скалон, Назанин Шахрокни.

Региональные редакторы

Арабский мир: (Тунис) Мунир Сайдани, Фатима Разуани, (Ливан) Сари Ханафи.

Аргентина: Магдалена Лемус, Хуан Парсио, Данте Маркиссио.

Бангладеш: Хабибул Хондкер, Хайруль Чаудури, Фатема Резина Икбаль, Хеляль Мохиддин, Мумита Танджила, Бижой Кришна Баник, Сабина Шармин, Абдур Рашид, М. Омар Фарук, Мохаммед Джахируль Ислам, Саркер Сохель Рана, Мд. Сахихул Ислам, А.Б.М. Наждмус Сакиб, Эашрат Джахан Ейемун, Хеляль Уддин, Масудур Рахман, Шамсул Арефин, Ясмин Султана, Сика Парвин, Рума Парвин, Салех Аль Мамун, Экрамоль Кабир Рана, Шармин Актер Шапла, Мд. Шахин Актар.

Бразилия: Фабрисо Масиель, Анжело Мартинс Жуниор, Андреса Гальи, Рикардо Виссер, Густаво Диас, Жозе Жирадо Нето, Жессика Мазини Мендес.

Индия: Рашми Джайн, Маниш Ядав, Ракеш Рана, Прагья Шарма.

Индонезия: Хари Нугрохо, Лусия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияти, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулаван, Мохаммад Шохибуддин, Домингус Эльсид Ли, Антониус Арио Сето Харджана, Диана Тереза Пакаси, Нуруль Аини, Гегер Риянто, Адитья Прадана Седиати.

Иран: Рейянех Джавади, Ниайеш Долати, Сайед Мухаммад Муталлеби, Эльхам Шуштаризаде.

Казахстан: Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспеева, Куаныш Тель, Алмагуль Мусина, Акнур Иманкул, Мадьяр Альдыяров.

Польша: Урсула Ярецка, Джоанна Беднарек, Марта Блашчинска, Анна Тёрнер, Александра Бернацка.

Россия: Елена Здравомыслова, Дарья Холодова.

Румыния: Ралука Попеску, Раиса-Габриэла Замфиреску, Бьянка Михейле, Руксандра Падурару, Ана-Мария Ренцеа, Мария Власчану.

Taiwan: Вань-Цзюй Ли, Тао-Юн Люй, Ю-Вен Ляо, По-Шун Хон, Йи-Шуо Хуан, Чиен-Йин Шиен, Жи-Хао Керк, Марк Йи-вэй Лай, Юн-Жу Лин, Юн-Суан Чоу.

Турция: Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврен.

Франция/Испания: Лола Бусуттил.

Этот симпозиум посвящен основателю Глобального Диалога, бывшему президенту МСА **Майклу Буравому** и его осмыслению миссии и задач **публичной социологии**.

Исследователи из Украины и Румынии обсуждают **современную ситуацию в Украине**, российскую агрессию и последствия этих событий для социологии.

В теоретической рубрике мы обсуждаем, почему кампании **«Пятницы для будущего»** стали наиболее успешной формой коллективного действия современности.

Глобальный диалог стал возможен благодаря щедрому гранту **SAGE Publications**.

> В этом номере

От редакции 2

> СОЦИОЛОГИЯ ГОВОРИТ

Действуя глобально: социологи в защиту трудовых прав
Интервью с Мишель Форд

Димитра Лоуренс Ларошель, Франция 5

> МАЙКЛ БУРАВОЙ – ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Публичная социология в российском контексте

Елена Здравомыслова и Светлана Ярошенко, РФ 8

От публичной социологии к диалогической социологии

Сари Ханафи, Ливан 11

Размышления о Майкле Буравом и публичной социологии

Маргарет Абрахам, США 13

> ДИАЛОГИ ОБ ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТИ

Локальные и глобальные размышления
об интерсекциональности

Кэти Дэвис (Нидерланды) и Хельма Лутц (Германия) 15

Интерсекциональное прошлое преследует
интерсекциональное будущее

Энн Феникс, ВБ 17

Интерсекциональный взгляд на общественные движения

Барбара Джиованна Белло, Италия 20

Интерсекциональные солидарности и трудовые
мигранты в сфере ухода и заботы

Этель Тунгохан, Канада 22

Поиски правильной метафоры интерсекциональности

Амунд Рейк Хаффарт, Норвегия 24

Интерсекциональность как критический метод

Кэти Дэвис (Нидерланды), и Хельма Лутц (Германия) 26

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Пятницы ради будущего в перспективе
социологии общественных движений

Коичи Хасегава, Япония 28

> ВЗГЛЯД НА СИТУАЦИЮ В УКРАИНЕ

Как Российско-Украинская война влияет на социологию

Наталья Черныш, Украина 31

Коллективная и индивидуальная травма

Юрий Пачковский, Украина 33

Война в Украине меняет всё, что мы думали мы знаем

Дари Кристеа, Румыния 35

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Почему необходимы сравнительные интерсекциональные
данные об ЛГБТК+

Саит Байракдар и Эндрю Кинг, ВБ 37

Кто знает? Признание, цитирование и эпистемическая
несправедливость

Яна Басевич, ВБ 39

Прибыльные тела и мобильность заботы в Центральной и
Восточной Европе

Петра Еззеддин (Чехия) и Кристин Краузе (Нидерланды) 41

Брокеры домашнего труда: рынок Шри-Ланки
и Саудовской Аравии

Уасана Ханадапангода, Австрия и Шри-Ланка 43

“В социологии очень легко погрузиться в исследования на микроуровне, и это очень важно. Но нужно уметь также задавать на их основе большие вопросы”

Мишель Форд

> Действуя глобально:

социологи в защиту трудовых прав

Интервью с Мишель Форд

Профессор **Мишель Форд** является директором Сиднейского центра изучения Юго-Восточной Азии (Австралия). В фокусе ее исследований рабочее движение Юго-Восточной Азии и его политическая вовлеченность. Ее работа поддерживалась грантом Австралийского Исследовательского Совета (АИС). В настоящее время она является руководителем новаторских проектов АИС по трудовым отношениям в швейной промышленности Мьянма, коммерческой рыбной промышленности Индонезии, а также Проекта АИС, посвященного реакции профсоюзов на гендерно обусловленное насилие в строительной промышленности Камбоджи. Кроме своей академической работы она много времени уделяет консультационной работе в МОТ (Международная организация труда) по заказу организаций международного рабочего движения и австралийского правительства.

Интервью с Мишель Форд проводит **Димитра Лоуренс Ларошель**, аспирантка Université Polytechnique Hauts-de-France во Франции. Она является молодежным представителем МСА (Международная социологическая ассоциация) в ООН, членом правления ИК 14 «Социология коммуникации, знания и культуры», замредактора журнала *Art Style / Art & Culture International Magazine* и членом редакционного совета международного журнала *THESIS*.

Д.Л.Л.: Расскажите, пожалуйста, о своих отношениях с Международной Организацией Труда. Когда вы начали сотрудничать с МОТ и в каком качестве?

М.Ф.: Впервые я стала сотрудничать с МОТ в Мьянма в 2013 году. В то время я изучала формирование индустриальных отношений после транзита. В ходе проекта я интервьюировала несколько человек, работающих в МОТ в Мьянма. Поскольку я также руковожу Сиднейским Центром Юго-Восточной Азии, я решила, что было бы полезно наладить институциональные связи и организовать семинар для членов профсоюзов, предпринимателей и представителей правительства, чтобы дать им представление о том, как в других странах развиваются индустриальные отношения. Я поделилась этой мыслью с офисом МОТ в Мьянма, и они

с удовольствием согласились сотрудничать. В семинаре приняло участие около 70-80 человек, включая министра и директоров нескольких предприятий. Сотрудничество сработало очень хорошо! Затем сотрудники МОТ, которые уже поменяли свои позиции внутри этой организации, попросили меня сделать кое-что еще. Так, например, по заказу регионального офиса МОТ, мы с коллегой подготовили Доклад о состоянии швейной промышленности в восьми странах Азии.

В 2019 году я отправилась в Женеву проводить полевую работу по изучению глобальных профсоюзов. Кто-то в МОТ увидел написанную мною книгу о глобальных профсоюзах и трудовой миграции и попросил сделать презентацию. В Женеве я взяла несколько интервью; одним из информантов был глава Азиат-

>>

ско-Тихоокеанской секции Бюро рабочего движения (ACTRAV). Позже он поручил мне провести исследование работников индустрии пальмового масла в Индонезии и цифровых стратегий профсоюзов Азии и Тихоокеанского региона.

Интересно, что некоторые мои публикации, посвященные МОТ, были довольно критическими, особенно те, которые касались политики МОТ в Мьянма. Однако люди, с которыми я сотрудничала, были вполне открыты критике. Я думаю, если бы они не были открыты, они не стали бы сотрудничать со мною. Эти сотрудники МОТ уважительно относились к моей роли критического друга/аутсайдера. Поэтому я не чувствую, что наше сотрудничество представляет собой компромисс с моей стороны. Если бы это было иначе, я бы не работала с ними.

Д.Л.Л.: Расскажите, пожалуйста, как вы применяли свое социологическое видение и профессиональные навыки в МОТ. Объясните, пожалуйста, как социолог может работать в ООН и содействовать решению проблем в сфере трудовых отношений?

М.Ф.: Я думаю, что главное – это научный взгляд. Он порождает инсайты, которые сама институция не может генерировать. МОТ привлекает к исследованиям множество людей. Я располагала большой степенью свободы для структурирования своих проектов, потому что все они были, скорее, ориентированы на изучение контекстов, нежели на эвалюацию. На основании опыта работы в международном профсоюзном движении я с уверенностью могу сказать, что эвалюационные проекты – это совсем особое дело. В случае МОТ они ждут ответов на конкретно поставленные вопросы, но за пределами этого они позволяют мне организовывать проект так, как я хочу и именно в этом я могу проявить свою академическую экспертизу. Я могу принимать решение о том, какие данные мне необходимы, как я их буду собирать и обрабатывать.

Когда я начинала работу, я боялась, что она станет подвергаться цензуре, поскольку МОТ проявляет сензитивность в отношении позиции правительств, а также позиций профсоюзов и нанимателей. Я решила, что если стану объектом цензуры, то я прекращу сотрудничество с ними. Но я не почувствовала никаких ограничений в своей работе. И это стало приятным сюрпризом! Может быть они нанимают исследователей со стороны, чтобы услышать разные голоса дискуссии [смеется].

Д.Л.Л.: Вы говорили, что несмотря на то, что вы критиковали работу МОТ, сотрудники организации оставались открытыми и вы не испытывали никаких ограничений в своей работе. Скажите, вы испытывали какие-нибудь другие сложности в работе? В целом, с какими вызовами может столкнуться социолог, работающий в международных организациях? Если вы столкнулись с какими-то проблемами, то как вы нашли выход из трудных ситуаций?

М.Ф.: Честно говоря, МОТ является крайне бюрократической структурой, и эта оценка совсем не нравится руководству организации [смеется]. Именно сверхбюрократизированность делает организацию крайне медлительной и неповоротливой. Так, например, в одном проекте они организовали для меня несколько интервью с азиатско-тихоокеанскими профсоюзами. Т.е., с одной стороны, они очень помогли. Но проект был бы выполнен гораздо скорее, если бы я сама организовала поле-

Бюрократия предполагает много ориентировки-навигации. МОТ – это большая организация и когда ты работаешь с ними, необходимо учитывать их способ действий. Всю их механику действий... Она весьма отлична, например, от работы с НГО, которая является более гибкой и включает небольшое число сотрудников, что способствует скорости выполнения проекта. Но в этом есть и преимущества, т.к. работа на МОТ имеет последствия. Она очень полезна для послужного списка. Поскольку я занимаю должность профессора, для меня это не очень важно в академическом смысле, но для подтверждения квалификации при выполнении различных прикладных проектов работа в МОТ может быть очень полезной.

Я думаю, в сфере консультирования картина выглядит совсем иначе, чем через призму академии. При консультировании можно столкнуться с дополнительными сложностями, т.к. МОТ предоставляет консультантам недостаточно хорошие условия для работы и не слишком высоко оплачивает их труд! Но для научных сотрудников все обстоит хорошо. Ведь мы получаем возможность повлиять на дискуссию, не правда ли? Исследователи, работающие с МОТ, принимают решения в отношении программ, которые МОТ примет к исполнению. Возможность внести свой вклад в процесс принятия решений – это реальная привилегия исследователя. Таким образом мы можем применять наши научные и интеллектуальные навыки для решения проблем реального мира и можем добиться конкретного результата, поскольку существует организация, которая оказывает влияние на ход вещей.

Д.Л.Л.: Как вы думаете, каковы пределы социологического участия в деятельности ООН?

М.Ф.: Я думаю, что система ООН включает очень крупные организации, в деятельности которых заинтересовано много стейкхолдеров. Из-за этих стейкхолдеров все действия должны оцениваться с политической точки зрения. Кроме того, МОТ получает относительно небольшое финансирование. Поэтому эта организация должна реагировать на повестку доноров. Иногда она может действительно способствовать хорошим делам, но иногда хорошие дела невозможно осуществить из-за недостатка финансирования или специфической повестки доноров. В основном, деятельность МОТ финансируется небольшим числом стран. Это не обязательно плохо, но это ограничивает потенциальное влияние социологов.

Д.Л.Л.: Глобальная пандемия, начавшаяся в 2020 году, с неизбежностью оказывает значительное влияние на условия труда и положение работников во всем мире. Какую политику в отношении прав работника во время пандемии вы продвигаете? Как вы думаете, существуют ли сферы, которые остались без внимания и социальной поддержки?

М.Ф.: Не то, чтобы остались совсем без внимания, но недостаточно осмыслены такие ключевые вопросы, как условия занятости работников в цепочках поставок. Если посмотреть на швейную промышленность, то мы увидим, что с наступлением Ковида появились узкие места в логистике и снизилось число потребительских заказов. Неожиданно фабрики перестали получать заказы. Им пришлось либо сократить часы работы сотрудников, либо избавляться от них. Вообще-то бренды поднимают много шума по поводу того, как они поддерживают работников. Но во время кризиса, такого, каким стал Ковид, вы видите, как быстро они отступают. В последние 20-30 лет

было много сделано в сфере международного управления трудом, в том числе и благодаря усилиям МОТ. Но нам предстоит еще очень много сделать для того, чтобы получить работающую систему, при которой транснациональные корпорации подвергнутся санкциям за нарушение трудовых прав своих наемных работников.

В настоящее время огромный интерес для социологов труда и индустриальных отношений представляет гиг-экономика, и в некоторых контекстах она может привести к формализации работы. Так, например, в таких странах, как Индия и Индонезия, люди, которые прежде были неформалами, по крайней мере, имеют кого-то, против кого они организуются. Но, с другой стороны, цифровые платформы столь могущественны, что могут стать реальной проблемой для соблюдения трудовых прав. Нас воодушевляют судебные разбирательства, в результате которых получили признание трудовые права работников по доставке, однако, я не думаю, что МОТ или кто-то еще имеет представление о том, как регулировать новые формы работы.

За последний год МОТ сделала многое, чтобы лучше понять, как устроен неформальный сектор занятости, и это касается, прежде всего, цифровой платформенной работы. Работа на цифровых платформах во многих отношениях представляет собой нечто среднее между формальной и неформальной занятостью. Я полагаю, что мы как социологи и люди, которые хотят повлиять на реальный мир, можем постараться выработать различные способы представительства интересов работника в тех секторах занятости, которые не являются формализованными.

Таким образом вот три моих больших тезиса. Эти проблемы не являются новыми, и они не порождены собственно Ковидом, однако, несомненно, пандемия привела к их обострению в соответствующих отраслях промышленности. Далее. В более общем плане мы видим отступление социального государства и отсутствие социального государства в ряде стран. Вы знаете, именно в такие времена становится действительно очевидно, какую существенную роль играет социальное государство в жизни людей. Люди в Норвегии, Греции или Конго живут со-

вершенно различным образом. И влияние пандемии в этих странах переживается по-разному. Мне кажется, что пандемия призывает к усилению социального государства... Она подчеркивает значимость сети социальной безопасности.

Д.Л.Л.: Не могли бы вы дать совет молодым социологам, которые только начинают свою карьеру в международном поле. Что вы порекомендуете им? Может быть, дадите им информацию о перспективах занятости?

М.Ф.: Организации, входящие в состав ООН, являются крупными нанимателями молодых социальных ученых; в этой системе и в других организациях, близких к ней, существует много рабочих мест для социологов. В международных НКО также работает много социологов со степенью PhD.

Для тех, кто выбирает академическую карьеру, очень важно взаимодействовать с такими организациями, как МОТ. Они подгружают наше исследование в реальность и заставляют нас выходить за пределы микроуровня. В социологии очень легко глубоко погрузиться в исследование на микроуровне, но очень важно иметь возможность применить полученные данные для артикуляции крупных вопросов. Глядя на работу системы ООН, мы сможем сформулировать эти большие вопросы. Ответы на эти вопросы могут существенно отличаться от тех, которые ожидает или хочет услышать система. Будучи вовлеченными критическими исследователями, мы обладаем потенциалом повлиять на саму систему, а также на те социальные группы во всем мире, чьи интересы эта система надеется защитить.

На практическом уровне очень важно, чтобы молодые исследователи работали в командах, создавали сети в поле, поддерживали контакты с практиками и содействовали их работе... Это необходимо, если вы хотите, чтобы вас заметили и предложили работу, когда в ней будет нужда. Существует сетевая коммуникация и в ней вы показываете, на что вы способны. И в конце концов вы становитесь тем человеком, к которому обращаются, если появляется потребность. ■

Адрес для связи: <michele.ford@sydney.edu.au>

> Публичная социология в российском контексте

Елена Здравомыслова и Светлана Ярошенко, Санкт-Петербургская ассоциация социологов, Россия

Дискуссия о публичной социологии в Санкт-Петербурге. Евгения Голант. 2015.

В этой статье мы обсуждаем вызовы, с которыми сталкивается публичная социология в современной России. Ключевой вопрос, к которому мы обращаемся, заключается в следующем: что мы можем сказать о профессиональном призвании в политическом режиме, точное название которому еще только предстоит найти? В настоящее время мы переживаем дистопический кошмар “специальной военной операции” – войны в Украине; здесь мы описываем ее последствия для публичной социологии *in statu nascendi*. Мы ссылаемся на дискуссии и результаты исследований, проведенных в России, на личный исследовательский опыт и профессиональную автобиографию Майкла Буравой «Публичная социология: Между утопией и антиутопией» (2021), которую мы обсудили как с коллегами, упомянутыми Буравым в предисловии к этой книге, так и с исследователями, внесшими вклад в развитие публичной социологии в России.

>Вдохновляющие идеи Майкла Буравой

Майкл Буравой в своей новой книге выделяет несколько особенностей бытования социологии в недемократических режимах. Он утверждает, что в таких условиях социология является «приводным ремнем однопартийного государства» и существует преимущественно в форме сервильной прикладной социологии. Академические свободы ограничены, и профессиональная деятельность ученых находится под жестким контролем властей. Мы считаем, что такая подчиненная позиция по отношению к государству является родимым пятном социологии в России и такую зависимость сложно преодолеть.

Однако мы убеждены, что для российской социологической традиции исторически не менее важен критический пафос и приверженность публичной открытости. Хотя эмпирическая социология в советское время, как правило, существовала в форме направляемых или управляемых прикладных исследований, социальные ученые и в то время постоянно боролись за профессиональную автономию, за право предоставлять независимую экспертизу и возможность открыто обсуждать актуальные вопросы как внутри социологического сообщества, так и на более широкой внеакадемической арене. Российские социологи всегда стремились быть публичными интеллектуалами. При этом лучшие из них с грустью сетовали на декоративный характер и невостребованность своих исследований в позднесоветское время. Они ставили социальный диагноз и давали советы, к которым в условиях авторитарного режима никто не прислушивался.

Буравой подчеркивает, что для того, чтобы “процветать”, наша дисциплина нуждается в развитии диалога между социологами и их аудиториями”. Саморефлексия российских социологов подтверждает это утверждение. Обсуждая судьбы и перспективы своей науки в дискуссиях 2000-х годов, российские социологи пришли к выводу, что “теоретическая бедность” и недостаток профессионализма вызваны слабостью гражданского общества, пробелами в институционализации и отсутствием автономии (Романов и Ярская 2008; Соколов 2009). В ходе этих дискуссий одна часть профессионального сообщества надеялась, что демократизация и интеграция в международное социологическое сообщество позволят преодолеть ограничения поверхностной и сервильной прикладной социологии. Другие, напротив, отмечали развитие тенденции к фрагментации и сворачиванию профессиональной коммуникации, а также недостаток внутренней критики исследовательских программ (Лыткина и Ярошенко 2019).

> Достижения публичной социологии к началу 21 века

В постсоветское время социологи стали заметны в публичных дискуссиях и медийном пространстве (хотя задачи нашей науки толковались весьма ограничено). Призывы к публичной социологии оказались созвучны распространенным в России представлениям о нашей профессии. Новые поколения российских социологов считают, что проводить социологические исследования – значит взаимодействовать с гражданами; они проводят исследования, ориентированные на низовые инициативы и НКО. Однако, хотя идея органической публичной социологии получает значительную поддержку в российском социологическом сообществе, по большей части мы по-прежнему видим доминирование традиционной публичной социологии: социология в медиа предстает в виде результатов массовых опросов и экспертных оценок.

>>

В целом публичные лекции, интервью, экспертные оценки, популяризация данных исследований, – вся эта деятельность теперь учитывается в профессиональных рейтингах; публичная активность приносит материальные и символические выгоды как институтам, так и отдельным профессионалам. В постсоветское время российские социологи научились общаться со СМИ, делая осознанный выбор надежных медиа-собеседников. Это ноу-хау стало достижением публичной социологии в России. Однако в ней проявился политический раскол на сервильных и критически настроенных социологов, который остается важной особенностью социологического поля в России. До недавнего времени представители разных лагерей находили свои каналы публичности. Для критически настроенных публичных социологов существовала надежная ниша, состоящая из различных структур, готовых с ними работать: радиоканал “Эхо Москвы”, “Новая газета”, несколько интернет-ресурсов.

Однако с ужесточением авторитарного правления публичная сфера постепенно сужается. Критическая журналистика и критические исследования постепенно вытесняются из официальной публичной сферы; растет список институций и отдельных профессионалов, получивших клеймо “иностранных агентов” (ИА); ряд учреждений подверглись идеологической трансформации через самоцензуру или были просто ликвидированы.

> Репрессивное законодательство, удушение гражданского общества, асфиксия публичной социологии

Задолго до роковой даты 24 февраля 2022 года, когда началась СВО в Украине, авторитарное правительство РФ предпринимало последовательные шаги для ослабления гражданского общества, ограничивая возможности разных общественных сил влиять на политику. Это стало юридически возможным благодаря ряду репрессивных законов, принятых российскими законодателями после массовых протестов против фальсификации выборов в 2011-12 гг. В частности, закон о запрете пропаганды гомосексуальности (2013) ограничил свободу слова и фактически криминализировал сообщество ЛГБТИК+; способствовал радикальному сокращению поля гендерных исследований. Закон “Об иностранных агентах” (2012) действует как удавка, вызывающая удушье гражданского общества и ограничение профессиональной деятельности негосударственных институтов, участвующих в проектах органической публичной социологии. Изначально этот закон был направлен на НКО, занимающихся политической деятельностью и получающих международные гранты. В настоящее время объектом такой квалификации стали исследования в области социальной политики и представительства общественных интересов; правозащитные организации и неправительственные исследовательские институты, такие как “Мемориал”, Левада-центр, ЦНСИ и несколько академических центров гендерных исследований, были первыми институциями, включенными в список иностранных агентов. Издержки токсичного статуса – это часто непреодолимые барьеры для исследовательской работы, сужение международного сотрудничества, финансовые потери и растущие бюрократические нагрузки (Скибо 2020).

Таким образом еще 2010е началась асфиксия публичной социологии, связанной с гражданским обществом. При-

менение репрессивных законов подавляющим образом влияло на российское гражданское общество. Его голос стал едва слышен, сдавленный удушьем и страхом. В таких условиях большинство НКО стремились избежать стигматизирующего статуса и выбрали стратегию самоликвидации. Однако, некоторые ИА продолжили свою деятельность, проводя самоэксперименты по выживанию. Самоцензура стала еще одной распространенной стратегией для исследователей и журналистов, которые пытались “действовать как обычно” в удушающих условиях репрессивных законов. При этом в то время как официальные каналы СМИ ограничили контакты с ИА, социальные сети стали представлять собой альтернативную общественную сферу для свободной дискуссии и открытого дыхания.

Однако это была лишь начальная фаза “спецоперации” против той части российского гражданского общества, которая стремилась говорить и быть услышанной. Два года пандемии КОВИД-19 помогли власти запретить публичные мероприятия, подавить протесты и переключить внимание общественности с международных дел на угрозы здоровью и личной жизни.

> Дистопия специальной военной операции и асфиксия публичной социологии

После 24 февраля 2022 ситуация резко ухудшилась. Новая серия репрессивных законов закрыла общественные дискуссии и криминализировала протесты. Поправки 2022 года к закону об ИА расширяют круг целей и предлогов для преследования. Новые статусы “нежелательной организации” и “недружественной страны” разбивают усилия по международному научному сотрудничеству. В текущем контексте последователей публичной социологии легко причислить к иностранным агентам и тем самым пополнить ряды стигматизируемых. Это может произойти даже с теми исследователями и институтами, которые пытаются продемонстрировать свою аполитичную позицию и веру в академический нейтралитет.

В этой атмосфере восстанавливается знакомое политическое разделение между сервильными и критически настроенными социологами. После начала войны ряд социологов выразили свою позицию в открытых письмах поддержки СВО и антивоенных заявлениях. При этом многие протестующие оказались в ситуации внутреннего или внешнего изгнания (надеемся, временного). Так, в марте 2022 года СМИ распространили письмо поддержки Российского Союза ректоров, под которым стояло 180 подписей. Этот политический жест руководителей институций высшего образования и науки, казалось бы, гарантировал им определенную степень безопасности, но сделал эти учреждения мишенями культуры отмены в международном академическом сообществе. Одновременно отдельные исследователи и независимые центры разместили заявления протеста на своих сайтах в социальных сетях. В них подчеркивались разрушительные последствия войны для российского общества и производства научного знания (Dubrovsky & Meyer 2022). Однако большинство социологов избегают делать какие-либо открытые заявления по поводу СВО. Воздерживающиеся объясняют свой выбор соображениями профессионального нейтралитета. Они настаивают на нейтральной рациональности ученого, который должен сохранять хладнокровие, предоставлять экспертные знания и не вмешиваться в политические

>>

вопросы. Этот, казалось бы, рациональный аргумент питается сильным чувством страха, пронизывающим общественное пространство.

> Критика опросов общественного мнения

Хотя атмосфера общественного страха оказывает подавляющее и удушающее воздействие на публичную социологию, некоторые социологические вопросы все-таки обсуждаются как в официальной, так и в альтернативной публичной сфере. Дискуссионной стала важная тема, напрямую связанная с традиционной публичной социологией: доверие к результатам массовых опросов в условиях СВО. Оппозиционные социологи критикуют методологию опросов общественного мнения в репрессивных режимах и во время военных конфликтов. Они утверждают, что цифры, отражающие массовую поддержку военной операции, не следует воспринимать как выражение истинных настроений. Общественный страх искажает ответы людей; традиционная публичная социология стала предметом политических манипуляций, а ее результаты мобилизуются на защиту войны и экономических санкций (Юдин 2022). Такая критика встречает признание среди оппозиционно настроенных публичных интеллектуалов, а те, кто выражает лояльность, принимают данные опросов общественного мнения за чистую монету и уклоняются от методологической критики.

> Стратегии социологов

Когда академические свободы сворачиваются, и публичная социология страдает от удушья, каким стратегиям могут следовать социологи? Большинство из них продолжают заниматься своим обычным делом – они не видят для себя другой альтернативы. Они полагают, что их долг заключается в выполнении профессиональных обязанностей, в том, чтобы “сохранять спокойствие и продолжать действовать”. Наши коллеги подчеркивают свою педагогическую ответственность, важность помощи студентам и коллегам в преодолении чувства растерянности и разочарования, необходимость сохранения институций. Многие считают, что настало время для этнографии – для полевых исследований и дневников в различных местах крушения жизненных миров. Другие обращаются к анализу тоталитаризма и антиутопий в классических текстах, которые, по их мнению, могут помочь проанализировать катастрофические сдвиги социальной реальности.

Кроме того, мы наблюдаем, что многие студенты и исследователи испытывают *беспомощное разочарование* в нашей дисциплине. Они осознают, насколько сложно и опасно заниматься публичной социологией, насколько большими могут быть издержки, вытекающие из сочетания профессиональной работы и оппонировающей властям гражданской активности. Страх и отсутствие надежды на перспективы продолжения профессиональной работы в России, вызывают отчуждение и, надеемся, временное перемещение ряда ученых из группы риска в другие страны. Публичной социологии в России не хватает воздуха, ее перспективы радикально сокращаются, и социологи пытаются организовать альтернативное открытое публичное пространство на платформах социальных сетей, где они могут говорить открыто.

> Альтернативное публичное пространство как вариант «реальной утопии» для социологии

Критически настроенные социологи стремятся быть услышанными в России и мире. Их стратегия заключается в продолжении профессиональной работы и озвучивании своей позиции в транснациональной альтернативной публичной сфере, ставшей доступной благодаря новым информационным технологиям. Протестные журналисты и исследователи, пересекая границы, работают в онлайн-пространстве, ведут публичные онлайн-дискуссии на острые темы; каналы в Telegram и Facebook создали публичную сферу для тех, кто открыто обсуждает происходящее, не взирая на чувство опасности. Однако эта деятельность имеет ограниченную аудиторию и создает информационные пузыри посвященных и вовлеченных, не достигая массовой публики.

В этой альтернативной публичной сфере социологи обсуждают происходящее как публичные интеллектуалы, а также углубляются в более абстрактной концептуализации неототалитаризма, диктаторской автократии, колониализма и империи. Они пытаются найти подходящее обозначение для действующего политического режима и его эпифеноменов. Многие исследователи чувствуют свою ответственность за происходящее. Они спрашивают себя: Что мы упустили? Как мы могли предотвратить войну? Почему наши прогнозы не оправдались или не были приняты во внимание?

> Заключение

Мы утверждаем, что подавление публичной сферы приводит к травматической асфиксии публичной социологии. Врачи говорят, что асфиксия – это серьезное патологическое состояние, при котором живой организм не может ни дышать, ни двигаться из-за отсутствия доступа кислорода. Это состояние опасно для жизни. В условиях российского авторитарного режима возможности публичной социологии стали крайне ограниченными из-за распространения страха в обществе и фактических репрессий в отношении гражданского общества и академических свобод. Страдают обе ипостаси публичной социологии. Традиционная публичная социология подвергается жесткой (само)цензуре, а результаты опросов общественного мнения используются как политические инструменты. Органическая публичная социология сужает спектр тематики и старается деполитизироваться. Однако публичная социология продолжает существовать за пределами границ и в альтернативной публичной сфере социальных сетей.

Дистопический кошмар, в котором мы живем после начала СВО, помогает понять, что социологическая традиция, к которой мы – авторы этого текста – принадлежим, построена на моральных принципах и демократических ценностях академической свободы, рациональности, равенства и солидарности. Нынешние обстоятельства заставляют российских социологов ставить вопросы о своих устремлениях и основаниях своей работы, еще раз задуматься о тесной связи между своей профессией и моральными обязательствами, – размышления, которых раньше, занимая академически нейтральную позицию, можно было избежать. ■

Адреса для связи:
<svetayaroshenko@gmail.com>
<zdav3@yandex.ru>

> От публичной социологии к диалогической социологии

Сари Ханафи, Американский Университет в Бейруте (Ливан), президент МСА (2018-23)

Майкл Буравой – это не просто социальный мыслитель, который обогащает социологию теоретическими инсайтами в сфере социологии труда и политэкономии. На самом деле он меняет социологическую практику в мировом масштабе. Начав читать его книгу *Public Sociology: Between Utopia and Anti-Utopia* [Публичная социология: между утопией и антиутопией], я не мог остановиться, пока не дочитал последней страницы. Эта книга читается как роман; она превращает полувековую профессиональную траекторию Буравого в объект анализа и при этом развивает его аргументы в пользу публичной социологии. Буравой рассматривает эту социологию как моральную и нормативную науку, защищающую определенные ценности, которые могут быть реализованы (утопическая составляющая), и анализирует обстоятельства, которые могут препятствовать этой реализации (антиутопическая составляющая). При этом он включает в свое понимание публичной социологии проект Эрика Олина Райта, посвященный реальным утопиям.

Буравой развивает теоретическое представление о публичной социологии; он обсуждает ее органическую и порождающую связь с реальной утопией, т.е. непосредственно связывает с гражданским обществом. Я вполне согласен с его позицией, но в этой краткой статье мне бы хотелось не только подчеркнуть критический характер социологии, направленный против различных форм угнетения, но и рассмотреть возможности диалога, которые она представляет. Я продвигаю проект «диалогической социологии», аргументы в пользу которого опираются на мою область академической интервенции и на локальный опыт моей профессиональной деятельности. Поле моего социологического интереса (знание, культура, религия и политика) отличается от того, чем занимается Буравой – социология труда и критический марксизм. В своих рассуждениях Буравой противостоит неолиберальным капиталистам и другим акторам, продвигающим третью волну маркетизации. Что касается меня, то я вырос и продолжаю жить на Ближнем Востоке, в регионе, страдающем от долгосрочных brutальных авторитарных и колониальных режимов, где пытки, казни, политические похищения и лишение собственности являются весьма распространенными явлениями. Как разобраться в ситуации, где авторитарные режимы создают культурную гегемонию и идеологически промывают мозги значительным сегментам населения, заставляя людей верить в благотворное влияние авторитаризма на сохранение стабильности? Как осмысливать арабско-израильский конфликт, когда некоторые израильтяне, братья и сестры тех, кто пережил Холокост, становятся колониальными посе-

ленцами, конфискующими палестинские земли? Возможно ли историческое восстановительное правосудие без задействования более широких плюралистических механизмов переходного правосудия?

Сензитивность Буравого в отношении угнетенных людей и сочувствие их страданиям приводит к тому, что он часто утверждает, что задача социологии заключается в том, чтобы поддерживать гражданское общество, противостоящее господству рынка и государства. Это чрезвычайно важная цель, но я дополню ее еще двумя, которые считаю не менее значимыми.

Первая из них заключается в том, чтобы вывести социологическую миссию за пределы гражданского общества и распространить ее на гражданскую сферу, в том смысле, в каком ее трактует Джеффри Александер. Александер напоминает нам, что гражданское общество – это лишь одна из нескольких сфер, составляющих более широкую по охвату социальную систему, в которую инкорпорированы семья, религиозные группы, научные и корпоративные союзы и географически связанные региональные сообщества, поскольку все они производят блага и организуют социальные отношения в соответствии с различными свойственными им идеалами и ограничениями. Такое расширенное понимание нашей миссии чрезвычайно значимо, если мы рассматриваем себя как хранителей этой гражданской сферы и идеалов либеральной демократии.

Вторая задача заключается в том, чтобы взаимодействовать со сферами, отличными от гражданской, и вовлекаться в активный диалог с ними. Надо внимательно слушать тех, кто полностью или частично отказывается следовать идеалам, которые мы исповедуем. Надо сказать, Буравой признает значимость этой второй задачи, когда он с восхищением описывает, как Арли Рассел Хохшильд преодолевает «барьер эмпатии», изучая социальную поддержку консерваторов Движения чаепития в Луизиане в книге *Strangers in their Own Land: Anger and Mourning on the American Right* [Чужаки в своей стране: гнев и траур американских правых]. Хохшильд показывает, что люди стали поддерживать Трампа, выражая таким образом недовольство глобализацией и следуя своим представлениям о социальном неравенстве. Прежде, чем судить, давайте выслушаем, например, тех, кто опасается сирийских и африканских мигрантов, приезжающих в Европу. Я бы хотел подчеркнуть нашу способность к диалогу и взаимодействию с негражданскими сферами, с опорой на наши нормативные методы, на эксплицитно выраженные принципы и presuppositions. Я выступаю в поддержку

“Публичная социология не только выдвигает рациональные аргументы и обсуждает нормативные основания различных позиций в публичной сфере. Она захватывает также сферу эмоций: стремится понять эмоции другого, моральную чувствительность и моральную слабость, порой доводящую до слепоты в отношении социального страдания”

не радикальной критической теории, а ситуативной критической теории, т.е. такой теории, которая, критикуя власть, имеет возможность одновременно вступить в диалог с теми силами, которые она критикует. Именно таким образом социология, будучи тесно связана с целостным классическим либеральным проектом, сможет интегрировать отредактированную более совершенную версию политического либерализма Ролза, т.е. содействовать развитию плюрализма в нашем обществе (плюралистического понимания блага), который сочетает различные варианты разнообразия с социальной сплоченностью (основанной на едином понимании справедливости).

Я полагаю, что публичная социология не только выдвигает рациональные аргументы и обсуждает нормативные основания различных позиций в публичной сфере. Публичная социология захватывает также сферу эмоций: она стремится понять эмоции другого, моральную чувствительность и моральную слабость, порой доводящую до людей слепоты в отношении социального страдания.

Я думаю, Майкл Буравой согласится с таким развитием представлений о публичной социологии. Диалогическая социология сензитивна не только в отношении того, каким образом люди этически оправдывают свои действия, но также в отношении способов, с помощью которых социологи всерьез принимают во внимание страдания людей, исповедуя подход, который Сильвия Каталди назвала герменевтикой присутствия.

Если говорить о морали в отношении Арабского региона, который отличается высокой степенью религиозности, религия является одним из источников морали. Это тот огромный слон в комнате, который бессознательно или осознанно не учитывается большей частью социологической литературы, за исклю-

чением темы политического насилия. Это характерно не только для Арабского мира, Ближнего Востока и Израиля. Религия приобретает все большее значение в Латинской Америке (напр. развитие нового пятидесятничества в Бразилии) и за ее пределами. Я полагаю, что как социологи мы должны быть скромнее и подумать о том, как добиться признания того, что в нашем обществе существуют различные элитные формации, включающие верующих, которых антиклерикальные ученые так долго игнорировали или презирали, считали реакционерами и отсталыми людьми.

И наконец, глубокая аналитическая профессиональная автобиография Буравой показывает, что сегодня одной из основных задач социологии является развитие утопического видения, что совсем непросто в период, когда идеи социализма подверглись дискредитации. Буравой считает, что люди становятся социологами «не для того, чтобы быть богатыми, но для того, чтобы содействовать улучшению мира [...], чтобы он становился более равноправным, свободным и способным к сотрудничеству» (стр. 2). Буравой не только своими мыслями, но и действиями, делает мир лучше: он проявляет душевную щедрость в заботе о студентах и о научном сообществе. Я многим обязан ему: он держал меня за руку, когда мое видение социологии менялось не от профессиональной и прикладной социологии в направлении публичной социологии, а от социологии, которая ориентирована на местные и региональные проблемы, к социологии, которая охватывает глобальные вопросы. Более того, он побудил меня баллотироваться в состав исполнительного комитета МСА, а затем на позицию вице-президента по национальным ассоциациям и на позицию президента этой ассоциации. ■

Адрес для связи <sh41@aub.edu.lb>

> Размышления о Майкле Буравом и публичной социологии

Маргарет Абрахам, Университет Хофстры, США

Протест движения Оссиру на Уолл Стрит в Нью-Йорке. Фото Маргарет Абрахам, 2011.

Во всем мире социологи, социальные ученые, исследователи-активисты, феминисты и цветные люди в течение долгого времени связывали исследования и общественную активность и взаимодействовали с общественностью. Они обращались к проблемам неравенства, апартеида, эксплуатации, угнетения, отчуждения, войны, расизма, колониализма, капитализма, демократии, гендерного насилия и движений в защиту социальной справедливости и социальных изменений.

В США история социологического взаимодействия с общественностью часто нивелировалась или отодвигалась на маргиналии социологического канона. Если классические теоретики – Маркс, Вебер и Дюркгейм – заслуженно стали частью западного пантеона, то такие пионерные социологии, исследователи и активисты, как У.Э.Б. Дюбуа, Хариетт Мартино, Джейн Адамс, Анна Джулия Купер, Ида Б. Уэлмс-Барнетт и Марианна Вебер – оставались относительно невидимыми до самого недавнего времени. Исторически ключевую роль в создании и формировании такого канона сыграли отношения власти и иерархия привилегий, системы производства, распределения и потребления знания, в которых центральный теоретический и методологический профессиональный домен был по составу преимущественно западным, белым и мужским. Результатом стало исключение/минимизация признания теоретического и

методологического вклада социологов, которые активно взаимодействовали с публикой и занимались социологией за пределами канона.

В 2004 году в своем обращении президент АСА Майкл Буравой возродил термин *публичная социология* в США. Дифференцируя типы социологического знания (публичная, профессиональная, прикладная и критическая социологии) и определяя публичную социологию как импульс производства социологического знания, которое продвигает и защищает социальные отношения, которые делают людей гуманными, он стимулировал возникновение дискуссии о миссии нашей дисциплины. Как феминистская исследовательница, социолог, работающий на маргиналиях, с 1990х годов изучая как проблематика домашнего насилия сдвигается из сферы частной жизни к общественной повестке, я восприняла ежегодную конференцию АСА в 2004 году как одно из наиболее социологически значимых и общественно инклюзивных событий нашей профессиональной ассоциации. Хотя я несомненно знала о том глубоком вкладе социологического взаимодействия с общественностью, который сделали американские социологи и такие ассоциации, как как «Общество исследования социальных проблем» и «Социология для улучшения положения женщин в обществе», доклад Буравого и его призыв к развитию публичной социологии нашел сильный отклик в моем профессиональном сознании! Он

>>

бросил вызов профессиональной миопии и актуализировал вопросы социологии знания: для кого и для чего мы занимаемся социологией?

Буравой считает, что социология является катализатором социальных изменений. Ядром дисциплины является глубоко гуманистическая социология, которая стремится внести значимый вклад в создание лучшего мира, в котором будет меньше страданий, имеющих социальное происхождение. Эта позиция предполагает развитие социологии, которая включается в изучение реальных жизненных проблем социального исключения, огромного неравенства богатства и возможностей, коммодификации и рыночноцентричного мира. Главная миссия социологии заключается в проактивном участии в борьбе, целью которой является защита общества от ущерба, наносимого рыночным фундаментализмом. Буравой стремится развивать публичную социологию, которая поддерживает гражданские организации и общественные движения и выстраивает альянсы с ними; он также отмечает, что студенты являются значимым сегментом общественности. Социология, конечно, не может быть ограничена лишь активистскими прагматическими импульсами; чтобы лучше понять социальный мир, она в равной степени должна заниматься изучением ценностей. В центре внимания социологии должно быть не только инструментальное знание средств, но и «рефлексивное знание» о целях. Публичная социология должна внести свой вклад в публичный диалог о ценностях и целях, а также о возможностях их реализации. Выполнение таких задач предполагает «органическую взаимозависимость», при которой развитие каждого типа социологического знания – публичного, профессионального, прикладного и критического – зависит от развития всех остальных.

Эссе Буравого, написанные между 2004 и 2014 гг., представляют его профессиональный путь как движение от публичной социологии к глобальной социологии. Эти тексты прокладывают траекторию, которая начинается с признания и проблематизации гегемонии профессиональной социологии в США и развивается в сторону критического понимания и вовлеченности к осознанию и изучению глобальных проблем мира, где господствует неравенство. Адвокация глобальной социологии, которая опирается на локальные и национальные системы знания, не мешает Буравому остро осознавать гегемоническое сдерживание Глобального Севера в сфере производства знания; он предупреждает нас об опасностях позитивистской мечты об унификации социальных наук, потому что она неизбежно будет реализовываться под неусыпным контролем могущественных игроков и таким образом рискует стать механизмом «продвижения интересов нового западного империализма». Этому тренду унификации он противопоставляет альтернативный проект, который предполагает объединение национальных социологий в региональные ассоциации, которые затем вступают в диалог, приводящий к синтезу глобальных социологий. *Глобаль-*

ный Диалог, проект МСА, запущенный Буравым, стал одной из площадок международного социологического диалога, где обсуждается множество современных проблем.

Новая книга Майкла Буравого *Public Sociology: Between Utopia and Anti-Utopia*, опубликованная почти через двадцать лет после его выступления на конференции АСА в 2004 году и спустя почти десять лет после его президентской речи в МСА в 2014 году показывает, что он по-прежнему верен своим идеям: он страстно и убедительно обсуждает недостатки и обещания социологии. На передний план в его видении выходит позиция Р. Миллса, который считал, что социология находится на перекрестке биографии и истории. Эта позиция близка (что не всегда осознается) смыслу феминистского лозунга «личное – это политическое». Более эксплицитной является приверженность Буравого марксизму и его критическое переосмысление, а также освещение глубоких социологических идей У.Э.Б. Дюбуа о связи социологии с социальной трансформацией. Буравой соединяет свой личный профессиональный опыт с анализом публичной профессиональной, прикладной и критической социологии. В его социологических путешествиях по разным странам сплетаются биография и общество; они показывают, что жизненный опыт исследователя является интегральной частью его социологического воображения. Воспоминания о работе в разных странах освещают его эксплицитную, нюансированную личную историю как социолога, студента, исследователя, педагога, администратора, друга, сотрудника, активиста и руководителя профессиональной ассоциации, который постоянно переосмысливает и переопределяет задачи социологии в соответствии с вызовами нашего времени. Тем самым он выявляет и обсуждает риски и релевантности производства социологического знания.

Сегодня, когда мы сталкиваемся с последствиями глобальной пандемии, ростом авторитаризма, подъемом религиозного фундаментализма, взрывной волной фейк-ньюз в социальных медиа и потреблением мегадезинформации со стороны общественности, ставшей объектом манипуляций, которые объединились против общего блага, мы еще раз должны подумать о том, каковы цена выполнения тех обещаний, которые дает социология. Возможно надежды стоит возлагать на новые поколения социологов и активистов, которые изучают историю, теоретически обогащают социологическую науку и исследования, обращаясь к тематике устойчивых и эмергентных форм социального неравенства. Мы знаем, что проблематизация и объяснения недостаточны. Необходимо обнаружить, предложить и разработать способы борьбы с неравенством. Необходимо постоянно вкладывать свои усилия в то, чтобы выполнить обещания социологии по строительству более справедливого и равноправного мира. ■

Адрес для связи: <Margaret.Abraham@Hofstra.edu>

> Локальные и глобальные размышления об интерсекциональности

Кэти Дэвис, Свободный Университет Амстердама (Нидерланды) и Хельма Лутц, Университет Гете во Франкфурте (Германия)

2020 г., Марш женщин в Вашингтоне, США. Ист.: [risingthermals/flickr](https://www.flickr.com/photos/risingthermals/).

Термин *интерсекциональность* обращается к проблематике переплетения и пересечения социальных структур и идентичностей. В 1989 году впервые этот термин использовала Кимберли Креншоу, предложив метафору дорожно-го перекрестка: места, где рискуют быть сбитыми транспортом индивиды с различными гендерными и сексуальными идентичностями, принадлежащими к разным социальным классам и расовым группам. Эта метафора успешно используется в анализе и дебатах о социальном неравенстве, потому что она схватывает взаимопереплетение различных форм социального позиционирования и дискриминации. Интерсекциональный подход вытеснил превалирующий до него «принцип дополни-

тельности» в исследовании категорий различия в отношениях власти (гендера, класса и «расы») и сформулировал новую повестку. Он схватывает структурные последствия и процессуальную динамику взаимодействий между тремя или более осями власти и субординации.

Идея Креншоу о переплетении систем подавления получила глобальный резонанс на всемирной конференции ООН, посвященной борьбе с расизмом (Дурбан, 2001). В наши дни понятие интерсекциональности вышло далеко за пределы гендерных исследований и критических исследований расы и права - той сферы, где оно первоначально использовалось. Сейчас оно применяется в социологии и социальной работе, исследованиях здоровья и образования, социальной географии, антропологии, психологии, политической науке, литературоведении и даже архитектуре. В гендерных исследованиях термин *интерсекциональность* (сплетение) стал ключевым в названиях курсов вузовского и постдипломного образования. Множество конференций, специальных выпусков научных журналов и книгоизданий обращаются к этой категории. Появилась и достаточно автономное направление «исследований интерсекциональности».

Понятие интерсекциональности переключалось из США в Европу и прижилось во многих академических сообществах. Во время этих путешествий понятие изменилось, адаптируясь к локальным условиям и историческим контекстам. Так, например, в Европе релевантными категориями для анализа дискриминации мигрантов стали этничность и вероисповедание; в Индии исследование социального неравенства невозможно без обращения к категории «каста». Совсем недавно проявились поколенческие различия в концептуализации интерсекциональности. Современные общественные движения, такие, как *Black Lives Matter* [Жизнь чернокожих имеет значение] оказали влияние на дискуссию о расе, борьбу против расизма и, тем самым, способствовали обновлению поля исследований интерсекциональности.

Понимание происходящего заставляет нас взглянуть на историю интерсекциональности через призму настоящего. Что заставляет ученых, придерживающихся принципов критической школы, и активистов снова и снова обращаться к понятию интерсекциональности? Что способствует постоянному переизобретению этого понятия? И наконец: как интерсекциональность используется, переосмысливается и перерабатывается в различных сферах и для различных целей?

>>

Все эти вопросы являются ключевыми для *Routledge Handbook of Intersectionality Studies* [Рабочая книга по интерсекциональным исследованиям издательства Рутледж]; эта коллективная монография будет опубликована в 2023 году. В издании представлен большой диапазон тем; в нем участвуют исследователи разных стран; авторы следуют принципам междисциплинарности. Мы попросили нескольких авторов коллективной монографии представить читателям данного выпуска *Глобального диалога* сокращенные версии своих глав. Познакомившись с ними, вы получите представление о том, как интерсекциональный подход используется в интерпретации социальных, культурных и геополитических форм неравенства. Энн Феникс начинает разговор о том, как истории рабства и колониализма являются себя в современном мире, показывая почему мы должны их учитывать в своих размышлениях об интерсекциональности на глобальном уровне. Барбара Джованна Белло продолжает дискуссию, обращая интерсекциональный взгляд на два наиболее важных социальных движения современности – Black Lives Matter и #MeToo. Оба движения зародились в США, а затем приобрели глобальный характер. Этель Тунгохан демонстрирует эвристичность интерсекционального подхода в изучении недавнего возмущения работников сферы ухода и заботы в Канаде, где различные социальные движения объединились, оказы-

вая сопротивление угнетению. Обращаясь к методологической дискуссии в сфере исследований интерсекциональности, Амунд Рейк Хоффарт критикует попытки найти чистую метафору интерсекциональности, которая решит все проблемы этого понятия. Он утверждает, что исследования сплетения различных форм неравенства и конфигураций власти «нуждаются в спутанности» (“need for messiness”). И, наконец, призывая социологов всего мира следовать методологии интерсекционального подхода Кэти Дэвис и Хельма Лутц показывают, как обманчиво простая процедура – «формулировка еще одного вопроса» (“asking the other question”) – может помочь выявить стратегии людей, которые в своей повседневной жизни сопротивляются или приспосабливаются к власти.

В целом этот диалог дает представление о том, какой смысл имеет интерсекциональный подход, как он помогает исследовать неравенство, власть, социальную трансформацию на локальном и глобальном уровнях. ■

Адреса для связи:
<lutz@soz.uni-frankfurt.de>
<k.e.davis@vu.nl>

> Интерсекциональное прошлое преследует интерсекциональное будущее

Энн Феникс, Университетский колледж, Лондон, ВБ

Участница протеста в Вашингтоне держит плакат с изображением Джорджа Флойда.
Ист.: Obi - @pixel6propix/[Unsplash](#), Creative Commons.

Мало кто теперь оспаривает мысль о том, что интерсекциональность является центральной категорией для понимания социальных отношений, повседневных социальных практик и изучения того, как функционирует общество. Это понятие является эвристичным для понимания способов, которыми каждый член общества одновременно связан с множеством социальных категорий, таких как гендер, сексуальность, социальный класс и раса; оно помогает проанализировать неравенство, отношения власти и сложность социального позиционирования. Оно показывает, что любая социальная ка-

тегория может быть децентрирована пересечением с другими социальными категориями, их динамизмом, реляционностью и историческим местоположением.

Социологи все больше вовлекаются в историческое понимание того, как рабство и колониализм конституируют глобальную историю современности. И если размышления о том, что интерсекциональность имеет исторические основания, помогает нам интерпретировать потенциально противоречивый процесс, лежащий в основании социальных разделений и исключений,

>>

Ист.: Томас Уилмотт / [Unsplash](#), Creative Commons.

Исследование интерсекциональных призраков поможет не только по-новому увидеть прошлое, но и обозначить перспективы будущего. Ист.: Hakase/[iStock](#).

гораздо меньше известно о том, каким образом историческое прошлое становится частью интерсекциональности. Эта статья показывает, что для теорий интерсекциональности необходимо выявление того, каким образом история навязывает себя современности.

> Исторические призраки

Глобальные протесты против расизма и исторически укорененного расового угнетения, последовавшие после записанного на видео убийства Джорджа Флойда американским полицейским, проявили способы, которыми призраки исторического прошлого модулируют современные социальные отношения и способствуют психосоциальным взрывам. Именно исторические призраки возродили и расширили поддержку движения *Black Lives Matter*. Тот факт, что история расизма и рабства является историческим наследием многих обществ, был продемонстрирован реакцией на убийство Джорджа Флойда (одно из нескольких убийств темнокожих белым полицейским). Все эти реакции обратили внимание на столетия расового угнетения и спонтанно обозначили символы этой истории угнетения, среди которых оказались памятники поработителям и колониалистам. Истории, которые казались давно почившими в бозе, вытесненные в сферу бессознательного или неосмысленные вовсе, стали призраками современного социального пейзажа. Эти вновь обретаемые истории породили компании социоструктурных изменений и вызвали волну личных свидетельств.

Понятие исторического призрака (historical haunting) совсем не ново. Оно неоднократно описывалось в романах и научных публикациях, посвященных таким темам, как роль травмы в жизни жертв Холокоста или опыт рабства в межпоколенческой коммуникации и разрушении жизни потомков тех, кто пострадал от этих событий. При этом феномен возникновения исторического призрака (haunting) не признавался. Реакция на убийство Джорджа Флойда проясняет способы, благодаря которым коллективные истории становятся индивидуальными, а элементы прошлого возвращаются в настоящее и укрепляют-

ся в нем. Более того, коллективные истории прошлого лежат в основании нашего воображаемого будущего и реалистичных сценариев будущего, которые могут осуществиться.

С точки зрения интерсекционального подхода, теоретическое осмысление призраков прошлого в настоящем (hauntology) углубляет возможности анализа социальных категорий. Оно помогает поднять вопросы о том, как взаимосвязаны личные и национальные истории, какой осадок они оставляют в социальных категориях, производя разделения и сходства между людьми. Такой учет темпоральности в интерпретации того, например, что значит быть темнокожей женщиной из рабочего класса в странах, где темнокожее население является меньшинством (Minority World countries), требует сочетания межпоколенческих и национальных историй, которые избегают имплицитного использования эссенциалистских социальных категорий. Такой взгляд также побуждает фокусировать внимание на то, как эти же варианты прошлого неизбежно становятся частью жизни белых мужчин среднего класса.

Интерсекциональный анализ того, как призраки прошлого воздействуют на настоящее, может помочь исследователям сформулировать вопросы, проясняющие суть социальных проблем. Пандемия COVID-19, например, болезненно проявила, что гендер, нация, мигрантский статус, социально-экономическое положение, состояние здоровья, возраст, жилищные условия и занятость сплетаются и производят неравенство в уровнях морбидности и смертности. При этом, что поразительно, многие объяснения ограничиваются до сих пор отсылками к условиям жизни, индивидуализируя эти различия и подчеркивая их культурную обусловленность. Хотя крайне важно установить, какие факторы определяют показатели смертности, не менее важно признавать, что обнаруженные связи зависят от того, что было исследовано, а это, в свою очередь, зависит от предсуществующих интерпретаций. Задавая вопросы об историческом прошлом, которое производит конкретное позиционирование, соответствующие практики и социо-эмоциональный контекст их осуществления, мы с большей вероятностью сможем осуществить анализ, кото-

>>>

Санкофа - священная птица мифологии Ганы. На языке тви слово «Санкофа» означает «вернись в прошлое и принеси оттуда то, что полезно». Ганский народ аканы изображает Санкофу в виде сердца или птицы, которая держит в клюве живое яйцо; ее голова обращена назад, а ноги – вперед. Ист.: [tadatodets/stock](https://tadatodets.com/stock).

рый соответствует требованиям социальной справедливости и осмысленных интервенций. Эти вопросы также с большей вероятностью помогут обнаружить способы, которыми переплетение конкретных социальных позиций усугубляет уже существующие неравенства, существующие в обществах, где есть меньшинства.

> Призраки прошлого в сценариях интерсекционального будущего

Темпоральность является существенной характеристикой интерсекциональных призраков прошлого не только потому, что она показывает, что прошлое есть часть настоящего, но и потому что прошлое направляет будущие действия. Это происходит и в тех случаях, когда прошлое врывается в настоящее, как это произошло с волнениями *Black Lives Matter*, и в тех случаях, когда оно - прошлое - сохраняется в настоящем в меланхолическом и неназываемом состоянии. В обоих случаях призраки прошлого производят проблемные позиции субъектов, которые требуют создания новых нарративов, а значит и нового видения будущего. Таким образом события, которые стали исторически значимыми, воздействуют на повседневные практики и пронизывают социальные отношения, ограничивая или способствуя реализации возможных сценариев будущего. Эффекты социального взрыва, которые мы наблюдаем, когда призраки прошлого захватывают сознание, опосредованно влияют на будущие действия и формулируют требования в отношении желаемого будущего. Интерсекциональный взгляд помогает объяснить, почему люди, относящиеся к одной социальной категории, имеют разные надежды и видения будущего, по-разному реагируют на призраки прошлого, которые становятся частью сознания.

В последние годы в различных странах наблюдается появление новых гендерно/расиализированных нарративов, которые производятся в ответ на убийства женщин или цветных граждан, порождая, например, такие массовые компании, как *#SayHerName* [назови ее имя] в США. Эти компании являются признанием того факта, что несмотря на то, что убийства нескольких темнокожих мужчин полицейскими стали притчей во языцех, убийства полицейскими черных женщин и детей часто не получают публичной огласки. Таким образом невозможно понять воздействие прошлого на конкретного человека без знания констелляции отношений, которые передавались из поколения в поколение, осели в повседневных практиках, воспроизводя одновременно, например, расизм и сексизм. Понимание того, какие категории актуализируются в конкретной социальной ситуации и релевантность социальных локаций, эмоциональных привязанностей, позиционирований и отношений власти, не являются самоочевидными. Это означает, что социальные категории релевантны не только тогда, когда они находятся в фокусе внимания или их можно наблюдать в действии. Это означает также, что исторические нарративы, легитимированные национальными государствами, недостаточны для понимания интерсекционального воздействия призраков прошлого (*intersectional hauntings*), поскольку в них много лакун и сознательных умалчиваний. Молчаливые истории прошлого пронизывают общество, преследуют настоящее, находя выражение в повседневных интерсекциональных социальных отношениях, пронизанных практиками включения и исключения. ■

Адрес для связи: a.phoenix@ucl.ac.uk

> Интерсекциональный взгляд на общественные движения

Барбара Джиованна Белло, Миланский Университет (Италия), член правления ИК МСА «Социология права» (ИК12)

Авт.: Рафаэль Дейнл.

На мировой сцене, начиная с 2013 и 2017 гг. соответственно активно заявили о себе движения #Black Lives Matter (BLM) и #MeToo. Благодаря эффекту усиления, производимому социальными медиа, они подстегнули международное внимание к устойчивому и систематическому насилию в отношении женщин и темнокожего населения в США и за их пределами.

> Истоки

Со-основателями BLM считаются Алисия Гарза, Патрисс Каллорс и Опал Томети, которые в 2013 году в ответ на оправдательный приговор по убийству Трейвона Мартина создали первое интернет движение подобного рода. С тех пор лидерами движения являются темнокожие, женщины и квир-персоны. У движения #MeToo другая история: оно основано в 2006 году чернокожей правозащитницей Тараной Берк; целью движения является исцеление травмы сексуального насилия у женщин, молодых людей, квир- и транс- персон, темнокожих людей с ограниченными возможностями. Быстрое распространение этого движения в интернете началось в 2017 году, когда во время скандала вокруг дела

Харви Вайнштейна кинозвезда Алисса Милано, ничего не зная о более ранних инициативах, обратилась к женщинам всего мира с призывом рассказать об опыте сексуального абьюза, используя хэштег «#metoo».

> Принцип солидарных действий: «вместе» или «каждое само по себе»

Почему два движения, инициированные темнокожими женщинами, интерсекциональные с самого начала своего существования, сталкиваются с трудностями, стараясь эффективно реализовать солидаристский принцип совместных выступлений? Мы наблюдаем, как темнокожие активисты мужского пола все больше представляют себя как защитники своего сообщества и как основную целевую группу расового насилия, осуществляемого блюстителями правопорядка. При этом создается впечатление, что на сцене коллективных действий доминируют требования белых женщин, борющихся за равные возможности конкурировать на рынке труда без угрозы сексуального абьюза. Однако, голоса черных женщин и их опыт остаются без внимания. Ниже я сум-

>>

мирию несколько возможных объяснений их невидимости и размышляю о том, как интерсекциональный подход мог бы изменить эту ситуацию.

> Неравенство в проблематизации социальной справедливости

Во-первых, стоит отметить, что на структурном уровне необходим глубокий анализ различного статуса отдельно взятых категорий гендера и расы, поскольку эти различия оказывают влияние на их взаимное позиционирование и соотношение с другими категориями в иерархии власти. В самом деле движение BLM в основном адресовано чернокожим американцам мужского пола, призывая их к борьбе с превосходством белых и воспроизводством насилия по расовому признаку. Консервативные группировки под лозунгами «Все жизни важны» и «Синие жизни важны» особенно усердствуют в минимизации требований в защиту достоинства черных женщин и наиболее обездоленных черных людей. В свою очередь, движение #MeToo виртуально обращается ко всем женщинам (которые составляют более половины населения планеты): его целью является разрушение патриархата, но более отчетливо они обозначают задачу обеспечить женщинам доступ в «комнату» власти без угрозы сексуального абьюза, туда, куда черным женщинам получить доступ еще труднее. Таким образом оба движения поднимают вопросы социальной справедливости, но делают это по-разному.

> Самовоспроизведение привилегий

Во-вторых, надо отметить, что основные медиа США и всего мира также содействуют тому, что черные женщины остаются невидимыми. Новостные ленты, образы жестоких убийств чернокожих мужчин и их последние слова: «Я не могу дышать», - все еще отзываются в наших сердцах, однако, образы и сообщения об убийствах черных женщин отсутствуют. Аналогичным образом, случаи сексуального абьюза, разоблаченные белыми женщинами, независимо от того, насколько они знамениты, затмевают сходные по смыслу истории, рассказанные «другими» женщинами. В этом контексте надо отметить, что «класс» имеет значение для обоих движений. Анализ мобилизации через призму класса-расы-гендера помогает выявить взаимное конструирование систем привилегий, которые кристаллизуются в системе медиа. Позиции белых людей, в том числе, женщин, в большей степени привлекают внимание СМИ, и эти предпочтения воспроизводятся в информационных потоках.

Эти два обстоятельства, возможно, объясняют, почему #MeToo имеет большую поддержку и почему опыт черных женщин и представительниц других меньшинств имеет меньший вес, а также позволяют рассмотреть возможности ниспровержения существующей иерархии и включения «всех» голосов.

> Почему необходим интерсекциональный подход

В-третьих, можно предположить, что убийство и абьюз черных женщин до сих пор воспринимается как слишком специфичный феномен, который не может считаться универсальной репрезентацией всех женщин и страданий всех чернокожих. Таким образом интерсекциональный подход потенциально может трансформировать публичный дискурс, который все еще основывается на предпосылке, что расистское и сексистское насилие касается соответственно черных мужчин и белых женщин.

В-четвертых, интерсекциональный взгляд помогает объяснить, как социальные конструкции подпитывают отношения господства и субординации тел, которые дегуманизируются в случае BLM и эксплуатируются в случае #MeToo. Изображение черной женщины в виде агрессивной наделенной сверхчеловеческой силой Сапфир или как гиперсексуализированной всегда сексуально доступной Джезабели, может инструментально служить оправданию избыточного использования государственных силовых органов, принуждения к сексуальному акту и, в целом, ставят под сомнение доверие к ней. Это проявилось и в деле Вайнштейна: среди всех женщин, свидетельствовавших против него, он особенно оскорбительно реагировал на разоблачения чернокожей кенийско-мексиканской актрисы Лапиты Ньонго. С другой стороны, медийные репрезентации чернокожих мужчин как «насилльников» белых женщин часто приводили к необоснованным обвинениям и в прошлом легитимизировали линчевание. Возможно такое прошлое объясняет нежелание некоторых чернокожих мужчин поддержать лозунг «Просто верьте женщинам», выдвинутый движением #MeToo, и может также оказать влияние на потенциал их солидаризации с черными женщинами.

> Движение вперед

И, наконец, последнее. Интерсекциональный подход как эвристический принцип обращает внимание на взаимодействиях структур власти, но, как справедливо отмечает Кейша Линдсей ([Keisha Lindsay](#)), именно политические решения определяют кого и как поддерживать. Многие сторонники обоих движений все еще вовлечены в борьбу, проблематизируя неравенство по одной оси различия (single axis struggle). Хотя основатели инициативы и ряд других активистов стремятся сделать видимыми всех невидимых людей, их инициативы заслуживают большего глобального медийного внимания и освещения онлайн. Именно поэтому в декабре 2014 года Афроамериканский Форум Социальной Политики (АФСР - AAPF) и Центр изучения интерсекциональности и социальной политики (ЦИИСП- CISPSP) запустили проект #SayHerName [Назови ее имя], который освещает полицейское насилие в отношении чернокожих женщин (включая транс-и гендерно неконформных женщин). Напомним, что с самого своего возникновения движения #MeToo и #UsToo стремились обсуждать проблемы сексуального абьюза цветных женщин, неквалифицированных рабочих и ЛГБТКИ+ персон.

Пути дальнейшего развития я вижу в более активном использовании возможностей глобального интернета для углубления интерсекционального подхода. В самом деле транснациональность и усиление коммуникационных связей средствами всемирной паутины позволяют уделить особое внимание белым женщинам и черным мужчинам. Однако эти же возможности сделали совершенно очевидным, что в популярных нарративах «кого-то не хватает»; новые технологии создали возможности быстрого реагирования на эту нехватку. Они помогли увидеть, *кого* и *почему* медиа обходят вниманием, создавая пространства осуждения обнаруженных умолчаний. В этом «виртуальном» пространстве BLM и #MeToo могли бы построить коалиции, максимизируя свои оффлайн и онлайн интерсекциональные повестки. Давайте вспомним слова американской юристки и активистки Мари Матсуды ([Mari Matsuda](#)): «Мы не можем плодотворно участвовать в этих исторических событиях [...] не выстраивая коалиций, не покидая наших разьединенных позиций, чтобы встретиться, пересекая все линии привилегий и субординаций, которые могут разделять нас». ■

Адрес для связи: [<barbara.bello@unimi.it>](mailto:barbara.bello@unimi.it)

> Интерсекциональные солидарности и трудовые мигранты в сфере ухода и заботы

Этель Тунгохан, Университет Йорка, Канада

В апреле 2018 года Ахмед Хассен, бывший министр иммиграции Либеральной Партии, объявил, что канадская Программа поддержки живущих в домохозяйстве работников по уходу ([Live-In Caregiver Program](#)) с 2020 года не будет принимать заявок на постоянное проживание в стране. Это заявление возмутило организации, входящие в движение канадских трудовых мигрантов - работников по уходу. В ответ на это заявление начался всплеск активности движения мигрантов в Торонто, которое включает различных акторов из различных локаций и организаций, преследующих совершенно различные нормативные цели и повестки.

> Как получить постоянный вид на жительство для всех мигрантов - работников сферы заботы и ухода?

Вскоре в Центре Рабочего Действия в Торонто прошли собрания, в которых приняли участие несколько мигрантских организаций. Согласившись с тем, что трудовые мигранты, занимающиеся заботой и уходом, должны иметь возможность получить право на постоянное проживание в Канаде, движение раскололось по вопросу о том, как добиться этого права. Не было достигнуто согласия также по приоритетности повестки и были поставлены следующие вопросы:

Кто представляет чьи интересы? Каковы на самом деле ставки в этой кампании? Должна наша коллективная энергия быть направлена на проведение правовой реформы или мы должны также обратиться к структурному неравенству, которое заставляет трудовых мигрантов сферы заботы уезжать из своих стран, покидать свои семьи и отправляться на заработки в Канаду?

> Отозванные предложения

Эти не получившие ответа вопросы остались ключевыми пунктами напряжения. Тем не менее, организациям трудовых мигрантов по уходу удалось озвучить свой протест предлагаемыми изменениями и добиться того, что их позиция стала частью развернувшегося открытого диалога. С помощью медийных заявлений и протеста, они показали со всей очевидностью, что работа по уходу и заботе является крайне значимой для канадского общества, а трудовые мигранты, работающие в этой сфере, большинство которых являются цветными выходцами из стран Глобального Юга, являются неотъемлемой частью рабочей силы. В результате их активности либеральное правитель-

ство отозвало свое предложение и разработало новую процедуру получения канадского гражданства трудовыми мигрантами. Хотя разработанные процедуры существенно отличались от автоматического права апелляции на канадское гражданство, которое было гарантировано отмененной в настоящее время Программой поддержки надомной заботы с проживанием ([Live-in Caregiver Program](#)), тем не менее, существуют легальные способы получения постоянного вида на жительство. Коалиции работников сферы ухода и заботы с облегчением вздохнули, освободившись от угрозы лишения гражданских прав.

> Линзы интерсекционального подхода

Размышляя об этих событиях четырьмя годами позже, в 1922 году, я подумала, что интерсекциональный подход может оказаться крайне эвристичным при анализе общественных движений и, в особенности, движения трудовых мигрантов, работающих в сфере заботы и ухода; он поможет проявить сложные дилеммы, с которыми сталкиваются участники движения.

Прежде всего, интерсекциональность позволяет нам адекватно оценить проблемы движения трудовых мигрантов, которое стремится создать единую платформу, учитывающую разнообразие накладывающихся друг на друга социальных позиций, которые занимают его члены. Напряжение вызывает вопрос о том, кто из активистов может считаться истинным голосом движения; это связано с тем, что члены движения, находящиеся в самом интерсекционально непривилегированном положении, обладают наименьшими возможностями выразить свои чаяния. И при этом их потребности являются наиболее насущными. Таким образом интерсекциональный подход демонстрирует сложности в создании единого движения, которое представляет требования всех членов, и особенно тех из них, которые сталкиваются с самыми серьезными проблемами.

Во-вторых, интерсекциональная оптика показывает, как движения трудовых мигрантов-работников сферы ухода и заботы могут выиграть от применения этого подхода. Те мигрантские организации, которые определяют себя как интерсекциональные, ищут коалиции с движениями, которые опираются на другую социальную базу. Они часто объединяются с рабочим и/или феминистским движениями. Действуя в интересах трудовых мигрантов в Канаде, заявления которых на получение гражданства были отвернуты, потому что они или члены их семей имеют проблемы со здоровьем, эти организации также

>>

“Изучение коллективных действий трудовых мигрантов, занятых в сфере ухода, в перспективе интерсекционального подхода позволяет более глубоко осмыслить флюидный характер этого движения”

старались выстроить коалиции с движениями, борющимися за равные права инвалидов. Возможность сотрудничества с различными движениями позволяет трудовым мигрантам озвучить свои проблемы перед более широкой публикой. В публикации, написанной в соавторстве с Фернандо Тормосом-Апonte, мы утверждаем, что способность выработать *интерсекциональную солидарность* позволяет различным сообществам увидеть взаимосвязь между своими судьбами. Прогрессивные организации, участвующие в движении трудовых мигрантов-работников сферы ухода вместе с другими социальными движениями, осознают, что, объединяя свои усилия в ключевых компаниях они могут противостоять угнетению и оказывать влияние на общество и публичный дискурс.

> Низвержение или реформа

Различные акторы движения вступают в конфликт по поводу нормативной программы своих действий. И здесь снова интерсекциональный анализ помогает понять суть дела. Некоторые организации трудовых мигрантов сферы заботы так же, как сторонники интерпретации интерсекциональности, представленной Группой Реки Комбахи (Combahee River Collective), убеждены, что движение должно добиваться ниспровержения взаимопереплетенных властных структур капитализма, империализма и патриархата. Другие организации считают, что их усилия должны быть направлены на изменения в сфере социальной политики. В моей книге *Care Activism: Migrant Domestic Workers, Movement-Building and Communities of Care* [Активизм в сфере заботы: домашние работники-мигранты, строительство движения и сообщества заботы], которая вскоре увидит свет, я анализирую эти разделения, противопоставляя программы низвержения и реформы (abolition versus reform).

> Эффекты COVID-19

Пандемия COVID-19 усилила многие идеологические разделения и сделала интерсекциональный анализ еще более актуальным. Несмотря на то, что я до сих пор считаю, что нормативные программы организаций, в конечном счете, опираются на их идеологию, интерсекциональный подход позволяет лучше понять флюидность позиций движения трудовых мигрантов. Интерсекциональный подход анализирует многомерный характер власти и выявляет изменения в процессах, системах и структурах, которые воздействуют на повседневный опыт людей. Он показывает, что COVID-19 породил катаклизмы в жизни трудовых мигрантов: государственная миграционная политика резко изменилась, а условия их труда крайне ухудшились.

Пандемия стала водоразделом для движения канадских трудовых мигрантов и привела к активизации движения. Организации, которые занимали конфликтующие позиции в 2018 году, во время пандемии объединились, требуя улучшения системы поддержки работников сферы заботы и ухода и более долгосрочных структурных изменений, способствующих тому, чтобы забота признавалась в качестве фундаментальной социальной ценности. Пандемия также привела акторов движения к пониманию значимости альянсов с аборигенными движениями, с Black Lives Matter и другими прогрессивными социальными движениями. Понимание того, что их судьба неразрывно связана с другими сообществами-меньшинствами, привело движение трудовых мигрантов-работников сферы заботы к глубокому осознанию необходимости интерсекциональной солидарности. ■

Адрес для связи: <tungohan@yorku.ca>

> Поиски правильной метафоры интерсекциональности

Амунд Рейк Хаффарт, Университет Осло, Норвегия

Интерсекциональность обычно иллюстрируют метафорой дорожного или транспортного перекрестка. Авт.: Jeremy Bishop/[Unsplash](#).

Повседневный и академический язык насыщены метафорами. Если искать в тексте метафоры, то они вылезут как грибы. Метафоры используют тропы: выражения, которые изменяют известные значения слов, чтобы они обозначали нечто другое. Такие метафоры, как *разбитое сердце*, *гнилое яблоко*, *нравственный компас*, *поздний бумер* и *обоюдоострый меч*, используют хорошо известные объекты повседневности и трансформируют их в нечто новое и удивительное. Локализация метафорического богатства в повседневном и научном языке показывают, почему мы живем «в согласии с ними» (“live by”) как сказали в своей классической работе, посвященной метафоре, Джордж Лакофф и Марк Джонсон (1980). Метафоры не являются периферическим феноменом языка, который

принадлежит исключительно сферам поэзии и риторики; они глубоко влияют на наш здравый смысл и повседневные действия.

> Транспортный перекресток Креншоу

В 1989 году в своем очерке “Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics” [Демаргинализация переплетения расы и пола: критика черными феминистками антидискриминационной доктрины, феминистской теории и антирасистской политики] Кимберле Креншоу развивает понятие интерсекциональности с помощью метафоры транспортного пе-

>>

реквестка. Визуализируя опыт дискриминации, пережитый чернокожими женщинами как опыт жертвы, сбитой автотранспортом, движущимся во многих направлениях, Креншоу представила особенно яркий образ, иллюстрирующий проведенный ею анализ судебных случаев, в которых черные женщины не учитывались антидискриминационной доктриной США. Хотя транспортный перекресток с тех пор стал основным образом интерсекциональности, он также стал объектом критики. Основные возражения касаются аддитивного измерения образа транспортного перекрестка: он представляет такие категории, как гендер, раса, класс и сексуальность как самостоятельные и независимые, что делает возможным их добавление друг к другу. Трудно отрицать, что образ транспортного перекрестка можно считать аддитивным в том смысле, что он отделяет друг от друга независимые транспортные пути, которые встречаются на перекрестке. За тридцать лет со времени публикации текста Креншоу было предложено множество альтернативных метафор. Их разнообразие показывает как путешествует понятие интерсекциональности: эта идея получила широкое распространение, ее постоянно реинтерпретируют и разрабатывают, предлагая новые метафоры и аналогии.

> Есть много способов снять шкуру с кошки!

Любопытно, что некоторые альтернативные метафоры интерсекциональности носят более абстрактный характер, чем метафора транспортного перекрестка, которую они стремятся заместить. К таковым относятся метафоры осей, интерференций, конфигураций, ассамбляжа, фракталов, просветов, векторов, топографий и неупорядоченных порождающих пространств. Для тех, кто обращается за метафорами к более вещественным сферам, привлекаемыми оказываются практики приготовления пищи и выпечка: интерсекциональность уподобляется сахару, печени, многослойному торту, водовороту в мраморном пироге, маслу и студню. В поисках пригодной метафоры интерсекциональности исследователи особенно усердно обращаются к одному аспекту приготовления пищи и питания: способу смешивания ингредиентов, тому, как они проникают друг в друга, когда части становятся целым, а целое распадается на части; различные ингредиенты взбиваются, перетекают друг в друга и превращаются в единую массу. Так, например, Шэннон Суливан в книге *Living Across and Through Skins* (2001) [Жизнь в разных шкурах и в одной шкуре] использует пищевую метафору соте. В отличие от фондю, при приготовлении которого ингредиенты расплавляются и распадаются, при тушении овощи сохраняют в кастрюле свои «идентичности», но в то же время трансформируются благодаря взаимодействию с другими овощами. В этой метафоре овощи в сотейнике иллюстрируют динамические и взаимно формирующие отношения между различными составляющими единой социальной идентичности, такими как категории расы, гендера, класса, сексуальности, возраста, ограничения возможностей и проч.

> Неупорядоченное нагромождение интерсекциональности

Однако целый ряд ученых продолжают работать с образами дорожных перекрестков и транспортных развилочек. Энн Гарри в очерке "Intersectionality, Metaphors, and the Multiplicity of Gender" (2011) [Интерсекциональность, метафоры и множественности гендера] описывает пошаговое добавление все большего числа элементов в метафору транспортного перекрестка: все они опираются на метафору Креншоу, но значительно усложняют ее. Чтобы метафора была более гибкой и схватывала смешение систем угнетения, Гарри добавляет больше машин, больше дорог и образ карусели. Однако добавление этих элементов не может внести изменений в ограничивающую горизонтальность образа дорожного перекрестка. Чтобы преодолеть ограничения, мы должны отказаться от плоской структуры карусели. Необходимо привнести элемент вертикальности, чтобы отобразить как структуры привилегий и угнетения соотносятся друг с другом и совместно работают. Именно поэтому Гарри обращается к образу горы, а затем дополняет его образами струящихся горных потоков. Она стремится сохранить флюидность и избежать твердости и дискретности образа. Ремейк метафоры, представленный Гарри, выглядит следующим образом: горные потоки стекаются к перекрестку, в центре которого находится водоворот, где встречается множество улиц и автомобилей. Если этот образ кажется неупорядоченным, то, как считает Гарри, такого рода спутанность вполне уместна в наших метафорах, которые должны помочь интерпретировать всю сложность интерсекциональности.

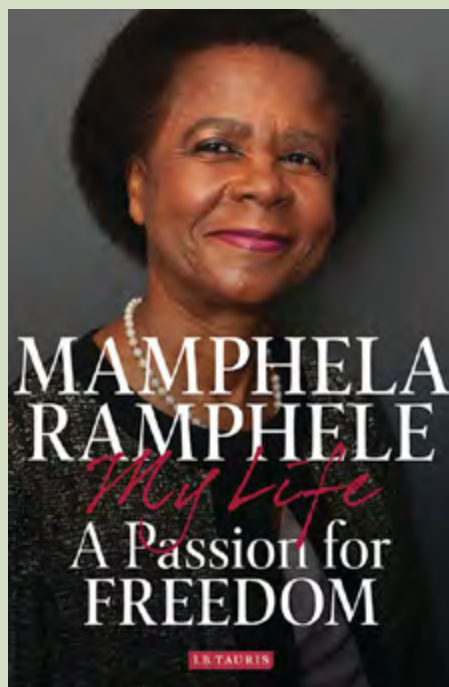
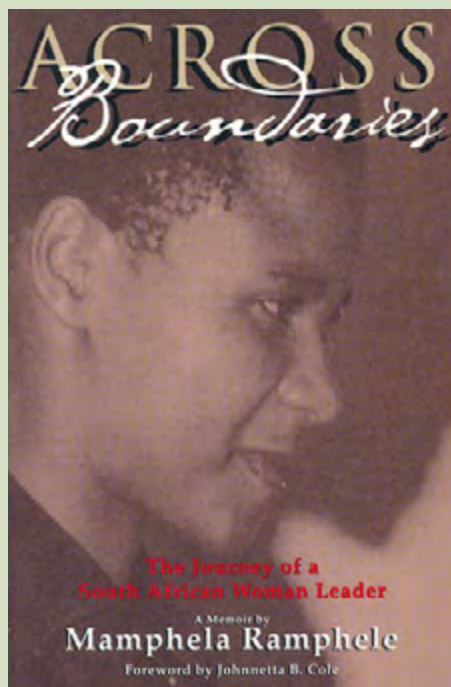
> Чистой неупорядоченности не существует

Чем вызван непрекращающийся поиск альтернативных метафор интерсекциональности? На наш взгляд, его мотивирует неудовлетворенность ключевым образом интерсекциональности. Метафора транспортного перекрестка попросту не отвечает требованиям: она построена на принципе аддитивности отдельных потоков. Иными словами, «правильная» метафора интерсекциональности должна четко дистанцироваться от аддитивности. Именно это требование озвучивает Гарри, когда настаивает на необходимости поиска метафор, которые отсылают к неупорядоченному характеру интерсекциональности. Однако поиски правильной метафоры парадоксальным образом стремятся создать чистую версию того, что не является чистым по определению; т.е. идет поиск метафоры, которая не поражена аддитивностью. Стремление к таким идеалам чистоты представляется мне противоречащим нашему интеллектуальному и метафорическому воображению. Не лучше было бы вместо серьезного отношения к «потребности учета беспорядочности» в поиске метафоры интерсекциональности, признать аддитивные измерения нашего мышления и рассматривать их скорее, как потенциальный ресурс, чем как затруднение? ■

Адрес для связи: <a.r.hoffart@stk.uio.no>

> Интерсекциональность как критический метод

Кэти Дэвис, Свободный университет Амстердама (Нидерланды), и Хельма Лутц, Франкфуртский Гете институт (Германия)

Авт.: Издательство «The Feminist Press» в Городском Университете Нью-Йорка.

Авт.: И.Б. Таурис.

Хотя множество исследователей гендера убеждены, что интерсекциональный подход является существенной частью феминистской теории, далеко не всегда понятно, как его использовать в контексте эмпирического исследования. На практике интерсекциональность ставит множество вопросов: какие категории должны учитываться при интерсекциональном анализе? Всегда ли исследователи должны придерживаться принципам «большой тройки» - гендера, расы и класса - или сеть разметки должна быть более широкой? Некоторые исследователи сомневаются в том, что категориальный анализ вообще уместен, потому что он не охватывает широкое разнообразие опытов и идентичностей.

> Как применять интерсекциональность

Американская исследовательница права Мари Матсуда предложила простую процедуру интерсекционального анализа, которая заключается в том, чтобы «задать еще один вопрос»: «Когда я сталкиваюсь с каким-либо феноменом, который кажется мне проявлением расизма, я спрашиваю, где здесь патриархат? Когда я вижу проявление сексизма, я спрашиваю, где здесь проявление гетеросексизма? Когда я вижу проявление гомофобии, я спрашиваю: как в этом случае проявляются классовые интересы?». Хотя эта процедура кажется удивительно

простой, она очень помогает на начальной фазе изучения того, как работает интерсекциональная власть в рассказах о жизни и как ее переплетения ограничивают и создают возможности действия.

> Как свобода зависит от интеграции повесток борьбы

Мы использовали этот метод для анализа биографии Мамфелы Рамфель, известного врача, участницы борьбы с апартеидом и писательницы Южной Африки. Она отсидела тюремный срок, ее работа была запрещена в течение многих лет, но затем она стала первой черной женщиной - ректором университета ЮАР, управляющим директором Мирового Банка и кандидатом на пост президента Демократического Альянса на всеобщих выборах 2014 года¹. Мы использовали три варианта вопросов со следующими целями: а) чтобы позиционировать себя как исследователей, только приступающих к анализу; б) чтобы обнаружить белые пятна исследования; с) чтобы усложнить наше понимание отношений власти.

а) Мы признаем, что наше намерение проанализировать биографию Рамфель непосредственно связано с нашей позицией белых феминистских исследовательниц, принадлежащих

>>

к европейской и американской академии. В таком самопозиционировании мы следуем известному аргументу Донны Харауэй, согласно которому (феминистские) исследователи должны признавать, что производимое ими знание всегда является ситуативным, частичным и рефлексивным. Критикуя нехватку внимания к проблематике расы и расизма в феминистских исследованиях, мы полагаем, что биография Рамфель позволит нам осуществить наш проект, то есть показать, что говорить о гендере, не упоминая расу, не имеет смысла. Сначала мы были удивлены тем, что она как-будто не хочет позиционировать себя в качестве темнокожей африканки в контексте апартеида или говорить о своем опыте столкновения с расизмом. Казалось также, что она дистанцируется от расы и расизма, опираясь на свое привилегированное положение или свои выдающиеся качества. Еще более удивительным был тот факт, что в интервью она наиболее комфортным образом позиционировала себя в качестве женщины. Именно ее повторяющиеся отсылки к гендеру позволили нам осознать, что для более глубокого анализа мы должны пересмотреть дизайн исследования.

б) Мы вновь поставили вопрос о другом измерении власти («задали еще один вопрос») и более подробно рассмотрели фрагменты, где Рамфель утверждает, что гендерное неравенство и сексизм стали движущими силами ее личного развития. Вопреки нашему предположению, что расизм станет наиболее яркой характеристикой ее жизни при апартеиде, Рамфель, осмысливая свою жизнь, постоянно обращается к образу патриархатных гендерных отношений. Ее нарративная стратегия стала средством установления ее конкретной позиции, которой она могла достичь, благодаря гендерной идентичности в условиях Южной Африки, пронизанной расовой бифуркацией. Она не позиционирует себя как чернокожая женщина или гражданка ЮАР, а, скорее, как дочь и сестра, которая должна была сражаться против мужчин и институций, где они доминируют, которые мешали ей делать то, что она хотела. Таким образом она описывала свое отличие от своей семьи, друзей, коллег и товарищей.

с) Задав еще один вопрос о дискриминации, мы смогли понять решимость Рамфель представить себя как женщину, обладающую независимым умом и сильной волей. Ее глубокое желание преодолеть нормативные ограничения женской роли лежит в основе ее успеха как ученого-автодиакта, активистки, профессионала и одинокой матери. Она пишет, что всеми своими успехами она обязана собственным усилиям (а не тем, что она была возлюбленной известного черного активиста Стива Бико) и настойчиво подчеркивает, что ее идентичность опирается на только на расовую принадлежность, жизнь в условиях государственного апартеида или участие в Движении роста самосознания чернокожих в ЮАР. Она показывает, как различные аспекты ее жизни и соответствующее им со-

циальное позиционирование актуализировались в различные моменты в зависимости от конкретных контекстов. Об этом свидетельствует, например, ее возмущение программой партии Африканский Национальный Конгресс, которая отдавала приоритет борьбе с расизмом по сравнению с феминистской повесткой:

«Свобода не делится надвое. Я спросила, могу ли я считаться свободным человеком, если я свободна как представительница черной расы, но как женщина остаюсь в ловушке? Мое тело не может быть разделено на женское и черное начала. И если речь идет о моей свободе, ее надо рассматривать целостно».

Этот прекрасный пример интерсекционального размышления соединяет гендер и расу и проясняет, что для нее свобода зависит от интегрированной борьбы с расизмом и сексизмом.

» Как повседневные стратегии позволяют сопротивляться власти и приспосабливаться к ней

Метод формулировки еще одного вопроса позволяет интерсекционально осмыслить биографию Рамфель и критически пересмотреть наши собственные предположения и социальные позиции. Благодаря этой процедуре мы смогли осознать, как наша собственная слепота препятствуют нашему анализу интервью и, в конце концов прояснить, как сама рассказчица выстраивает сложную конструкцию своей жизни, используя интерсекциональное понимание гендера, расы и других социальных различий для создания осмысленного нарратива о себе. Интерсекциональность используют не только исследователи, социологи, феминистки и сторонники критической расовой теории, но и обычные люди в своей повседневной жизни. Анализ интерсекциональности предполагает, что мы обращаем внимание на то, как люди позиционируют себя в разных контекстах в разные моменты своей жизни. Нужно признать, что уязвимости проявляются по-разному в разных ситуациях и выявлять индивидуальные стратегии, основанные на наличных ресурсах, которые поглощают или смягчают эти уязвимости. Самое главное, что предлагает интерсекциональный анализ – это выявление повседневных стратегий, которые люди используют для сопротивления власти или приспособления к ней: стратегии, которые являются более сложными и противоречивыми, чем мы можем себе представить. ■

Адрес для связи:
<k.e.davis@vu.nl>
<lutz@soz.uni-frankfurt.de>

1. Этот анализ основан на интервью, которое Рамфель дала Мэри Маршалл Кларк – нашей коллеге, гражданской активистке и исследовательнице устной истории, и на материале нескольких автобиографий, написан самой Рамфель.

> Пятницы ради будущего в перспективе социологии общественных движений

Коичи Хасегава, Университет Шокеи Гакуин (Япония), член Исследовательского комитета МСА по окружающей среде и обществу (ИК24)

Глазго, 6 ноября 2021 года – Всемирный День климатической справедливости. В Марше против климатических изменений, состоявшемся во время 26-й Конференции ООН по климатическим изменениям, приняли участие 100 000 человек. Ист.: Ханэ Такаши (Друзья Земли, Япония).

На маленькой фотографии: Климатический Марш в Лондоне, 6 ноября 2021 г. Ист.: Амелия Колинз (Друзья Земли, международный офис).

Пятницы ради будущего – это сетевое движение молодых людей, занимающихся проблемами изменения климата. Оно остается активным, несмотря на условия пандемии COVID-19, при которых сложно проводить массовые мероприятия. В Глазго (Великобритания) во время Конференции ООН по изменению климата (КС-26) в ноябре 2021 г. около 100 000 людей приняли участие в протестном марше, требуя введения более жестких мер по борьбе с климатическим кризисом. В середине сентября 2019 г. эта кампания смогла мобилизовать более 7,6 миллионов молодых людей по всему миру, что стало мировым рекордом по числу участников уличной акции. Можно сказать, что это самая успешная коллективная акция во всем мире. Мировой успех этой кампании вызывает удивление, поскольку в Японии она не приобрела широкого влияния. Здесь кампания распространялась медленнее, акции прошли в меньшем количестве городов, привлекли лишь ограниченное число участников и не вызвали серьезно-

го резонанса в медиа и в правительстве, как на локальном, так и на национальном уровнях. С чем это может быть связано? Эта статья предлагает несколько ответов на этот вопрос с опорой на теорию общественных движений, понятия культурного фрейминга, ресурсов мобилизации и структуре политических возможностей.

> Пятницы ради будущего: самое успешное коллективное действие

Кампания *Пятницы ради будущего* началась 20 августа 2018 г., когда Грета Тунберг, в то время 15-летняя шведская девочка, начала свой протест у здания шведского парламента. Это был первый день нового учебного года и разгар избирательной кампании, предшествующей всеобщим выборам в Швеции. Изначально Тунберг планировала держать забастовку три недели, до пятницы 7 сентября, когда заканчивалась предвыборная кампания. *Забастовка против изменения климата* или *школьная забастовка*, которую

>>

она начала, бойкотирова занятия в школе, требовала, чтобы правительство ужесточило меры против климатических изменений. Благодаря социальным сетям и СМИ, акция очень скоро получила известность и поддержку за пределами Швеции. Ввиду такого большого отклика на свой протест, Грета решила продолжить бастовать каждую пятницу до тех пор, пока правительство Швеции не предпримет более решительные действия, чтобы выполнить свои обязательства по Парижскому договору 2015 г. Выступление Греты на конференции TED (Технология, развлечения и дизайн, по английским буквам) в ноябре 2018 г. и ее речь на Конференции ООН по изменению климата (КС-24) в декабре того же года получили одобрение публики, и забастовка против изменения климата быстро распространилась по всему миру под названием *Пятницы ради будущего*.

Через семь месяцев после первого протеста Греты, в пятницу 15 марта 2019 г., в акциях уже приняло участие 1,4 миллиона людей, в основном молодых, в более чем 2000 городов в 125 странах по всему миру. Через тринадцать месяцев после первой акции, в пятницу 20 сентября 2019 г., как раз перед началом Саммита ООН по климатическим действиям 23 сентября, более 4 миллионов человек вышли на протесты в 163 странах. Кампания продолжилась до пятницы 27 сентября, собрав 7,6 миллионов участников в 185 странах за восемь дней.

Это было самое массовое глобальное коллективное действие за всю историю. До протеста Греты Тунберг самая большая демонстрация, связанная с изменениями климата, прошла в Нью-Йорке накануне Специального заседания ООН по изменению климата в сентябре 2014 г.; она собрала около 400 000 участников.

В 2020 г. из-за глобальной пандемии COVID-19, уличные акции были строго ограничены в большинстве стран. Но в пятницу 25 сентября 2020 г., был объявлен Глобальный день климатического действия. Несмотря на пандемию, мероприятия прошли в 3200 населенных пунктах по всему миру. В Германии в уличных акциях участвовали 200 000 человек в 450 поселениях.

В Японии же акции были малочисленными и медленно набирали поддержку, в сравнении с взрывом популярности по всему миру. Протесты 15 марта 2019 г. собрали всего 200 участников всего в двух городах: Токио и Киото. Однако *Глобальное климатическое шествие* 20 сентября того же года собрало более 5000 человек в 27 городах и 23 префектурах. Около 3000 человек участвовали в шествии в Токио. Чтобы людям было проще принимать решение об участии в коллективном действии, в Японии слова «забастовка» или «акция» были заменены на более мягкий термин - «шествие».

Следует отметить следующие характеристики этого движения. (1) Оно состоит из коллективных действий, в которых участвуют преимущественно молодые поколения: школьники и студенты. (2) Большинство из них принимали участие в коллективном действии впервые в жизни. (3) Бойкотирование школьных занятий и участие в уличных акциях во имя борьбы с изменениями климата – это, по сути, самоотверженное, альтруистическое действие. (4) Это не единичное событие, но длящаяся и по сей день акция, ко-

торая проходит каждую пятницу по всему миру; несколько раз она проходила даже во время пандемии. (5) Кампания распространилась по всему миру, включая развивающиеся страны. (6) Социальные сети активно используются как инструмент призыва к участию. (7) Наконец, это кампания, направленная на одну конкретную проблему – изменение климата.

> Инструменты анализа: культурный фрейминг, мобилизационная структура и структура политических возможностей

Предлагаемая мною теоретическая рамка представляет собой треугольную модель общественного движения (TRIM); она основана на работах Д. Макадама (1996) и состоит из трех элементов: культурный фрейминг, мобилизационная структура и структура политических возможностей (Hasegawa 2018). Культурный фрейминг дает определение общей ситуации, с которым согласны все участники; он включает образ мира и образ движения, которые оправдывают его существование, действия, а также мотивирует граждан к участию. Культурный фрейминг – это динамический и стратегический процесс, который выступает посредником между недовольством и готовностью к изменениям. Мобилизационная структура обозначает ресурсы, которые могут быть задействованы в протесте при конкретных условиях. Мобилизация может опираться на разнообразные типы ресурсов, будь то человеческие, финансовые, материальные и информационные, или символические, такие как легитимность или оправдание. Наконец, структура политических возможностей – это вся совокупность институциональных и не-институциональных политических условий, которые определяют социальные процессы зарождения, развития и упадка общественных движений.

Эта аналитическая рамка объединяет перспективу коллективного поведения, теорию новых общественных движений и теорию мобилизации ресурсов. Она соответствует проблематике трех сфер: культура и общественное движение, организация и общественное движение, а также общественное движение и политика.

Название *Пятницы ради будущего* и символический образ Греты Тунберг оказались крайне эффективны. Ключевым игрокам в движении против изменения климата всегда было трудно долго удерживать символическую силу, хотя у движения есть устойчивые символы, такие как полярный медведь. Список важных фигур ограничивается бывшим президентом США Алом Гором, который получил Нобелевскую премию мира в 2007 г. Для персонализации проблемы климатических изменений появление Греты Тунберг имеет огромное значение. В январе 2019 г. ее пригласили на Мировой экономический форум, в феврале – в Европейский парламент, в сентябре того же года – на Саммит ООН по климатическим действиям. И все ее выступления производили сильное впечатление. В декабре того же года журнал Таймс назвал ее Человеком года.

«Пятницы ради будущего». Так случилось, что Грета вышла протестовать в пятницу – эта фраза оказалась очень удачным фреймом. Как и в случае с движением #MeToo, в англоговорящих странах эта фраза понятна даже учени-

кам начальной школы. Посыл очень ясный и позитивный. Фраза буквально нацелена на будущее. Она содержит всего 16 букв (в английском языке), включает призыв к действию по пятницам и выражает чувство обеспокоенности будущим. Эту фразу также удобно сокращать и использовать как хэштег, например, #FFFSendai (англ.яз.), можно просто добавить название страны, города и любой локации. Такой тег легко найти, и молодые люди из разных городов без затруднений мобилизуются под этим лозунгом. В Японии более 30 групп регулярно протестовали по пятницам в каждом регионе. В сравнении с негативными, запрещенными или обвинительными слоганами - «против [того-то]», «анти-[что-то]» или «не делай [что-то ещё]» - лозунг *Пятницы ради будущего* не вызывает сопротивления или отторжения. Он также провоцирует любопытство к тому, что такое *Пятницы ради будущего*.

Что касается мобилизационной структуры, то такие известные природозащитные НГО, как Гринпис, *Друзья Земли* и WWF отошли на задний план. Отдельные члены этих организаций и их административные сотрудники присоединяются к *Пятницам* и оказывают поддержку новому движению, но правда в том, что кампания не полагается на их организационные ресурсы. Лучшее подтверждение успеха фрейминга *Пятницы ради будущего* в том, что молодые люди готовы противостоять изменениям климата именно под этим лозунгом.

Чтобы передавать и мобилизовывать информацию, молодежь использует социальные сети. У аккаунта Греты Тунберг в Twitter 5,05 млн подписчиков. Большинство ее постов в Facebook получили более 10 000 отметок «Мне нравится». У Греты можно многому поучиться в вопросе мобилизации: она хорошо умеет доносить мысль до широкой публики, формулировать проблемы и быть последовательной.

2019 г. был ключевым моментом политических возможностей для широкого отклика на акцию Греты. Это был год перед тем, как в 2020 г. было принято к исполнению Парижское соглашение, и вопросы климата постоянно появлялись в медийной повестке. Если бы протест состоялся в 2012 г., он вряд ли вызвал бы такой резонанс.

В мае 2019 г. британская газета *Guardian*, которая обычно активнее других освещает экологические вопросы, написала, что словосочетание «изменение климата» не вполне передает серьезность положения. Объявив об изменениях в редакционной политике, газета стала описывать ситуацию как «климатический кризис» или «чрезвычайное климатическое положение».

Акции Греты демонстрируют устойчивость. В пятницу 17 июня 2022 г. школьная забастовка достигла 200-й недели. Таким образом, она длится уже почти четыре года.

> Япония: почему кампания оказалась такой ограниченной

По сравнению с другими странами японские акции *Пятниц ради будущего* выделяются своей немногочисленностью. Почему они собирают так мало участников?

Японская молодежь использует название *Fridays for Future* на английском языке без перевода. Это очень понятная фраза, но на Японском ее трудно было бы выразить так же коротко, и никто не смог придумать хорошего японского аналога. Одновременно, в Японии нет такой символической иконы, как Грета Тунберг. В основном, японские молодые люди тихие, равнодушные или циничные, и участниками уличных кампаний становятся иностранцы или студенты по обмену. Даже на фоне других азиатских стран политические успехи японских общественных движений не велики. По сравнению с Южной Кореей, Тайванем, Гонг-Конгом, Филиппинами и т.д., японские общественные движения слабы в отношении финансирования, человеческих ресурсов, организации и вовлечения экспертов. Им не хватает силы потому что культурный фрейминг, мобилизация ресурсов и политические возможности для общественных также крайне недостаточны. В конце концов мобилизация достигнет своего пика, и тогда мы, вероятно, столкнемся со сниженным чувством политической эффективности и ощущением беспомощности от того, что наши повторяющиеся действия не приносят желаемых результатов. Существуют проблемы поддержания энергии повторяющихся практик в условиях снижения энтузиазма участников внимания медиа.

В отношении структуры политических возможностей, молодежные группы еще не смогли найти эффективных политических способов продвигать наступательную климатическую политику. Не существует конкретной политической программы, которая бы лежала в основе уличных протестов. Как организовать и направить *Пятницы ради будущего* в новом направлении, какими должны быть следующие шаги, и кто должен стать их политическим союзником? Все это пока очень неясно. Подъем активизма не смог принести победу ни на одних национальных выборах. Активистам все еще сложно завоевывать политическое влияние из-за недостаточного организационного опыта. В свете политического отката в сторону этноцентризма и популизма, японское гражданское общество и гражданский активизм, связанный с проблемами изменения климата, находятся на перепутье, и их будущее неясно. Эти обстоятельства могут быть общей проблемой *Пятниц ради будущего* и в других странах. Однако в политической культуре Японии, где политическая вовлеченность широкой общественности вряд ли возрастет в ближайшее время, проблема поддержания устойчивости общественного движения во времени стоит очень остро. ■

Адрес для связи: <k_hasegawa@shokei.ac.jp>

> Как Российско-Украинская война влияет на социологию

Наталья Черныш, Львовский государственный университет им. Ивана Франко, Украина

В моей речи на III конгрессе Украинской социологической ассоциации¹ я выделила четыре стадии развития социологической мысли в контексте глобализации. Каждая стадия содержит семь структурных компонентов, которые я считаю первостепенно важными для понимания специфики и определения общих тенденций развития. Эти компоненты таковы: природа социологии в конкретное время, ее определяющие характеристики, базовые концепты, центральные темы, главные функции, доминирующая характеристика и основные методы полевого исследования.

> Социология глобализации

Стадия I. (от истоков социологии до 1985 г.). Это период развития социологии до глобализации, когда появляются первые работы и формируется канон в этой отрасли знания. Социология тогда рассматривалась как наука об обществе. Ее абстрактным идеалом было общество западного типа с территориальными и национальными границами. В 2000 г. У. Бек назвал такую социологию «контейнерной». Это период формирования социологического канона.

Стадия II (1985-2002): социология начальной фазы мощных процессов глобализации. В этот период социология становится наукой о человечестве, которое глобализируется, следуя западной модели в форме вестернизации, а, вернее, американизации (еще точнее, - макдональдизации). Поэтому П. Бергер называет американцев главными глобализаторами. На этом этапе продолжается формирование социологического канона.

Стадия III (2002-2016): социология эры множественных глобализаций (появление истернизации (от англ. East – восток), альтернативных процессов глобализации и пр.). Формируется глобальная социология, которая становится наукой о множественно глобализованном человечестве. В ней локальное получает право на существование, и представители различных национальных школ получают возможность участвовать в социологическом диалоге вместе с представителями «богатого социологического Севера», как выразился М. Буравой в 2008 г. Соответственно, происходит быстрая экспансия числа социологических работ за пределами социологического канона.

Стадия IV (2016-по настоящее время): социология пост-глобализационной эры, когда в мире наблюдается сокращение глобализационных процессов и усиление центробежных сил регионализации. (Заметьте, что я использую термин «пост-глобализация» по аналогии с термином Д. Белла «пост-индустриальное» в отношении к типу общества, которое приходит на смену индустриальному, но сохраняет пре-индустриальные и индустриальные сектора.) Таким образом, социология этого периода все более становится наукой о фрагментированном человечестве, где множатся региональные формации. Формируется корпус работ канонического и неканонического характера с диалогическими чертами и интенсификацией интердисциплинарности.

> Где социология глобализации находится сейчас

Эта четвертая стадия не означает исчезновения процессов глобализации как таковых и упадка социологии глобализации. Скорее, возникают новые социокультурные реальности и имеет место новая реконфигурация социологического знания, с относительным спадом в доле глобализационных сценариев. Например, явление пандемии COVID-19 во многом приводит к коллапсу глобальных связей и отношений, возвращению границ или спаду количества транснациональных организаций и процессов, что отражается в работах все большего числа социологов.

Этот пост-глобализационный период приобретает новую идентичность во время Российско-Украинской войны. Сегодня мы присутствуем при рождении нового мирового порядка, который можно представить как реинкарнацию Запада (в форме так называемого «объединенного коллективного Запада») с сердцем в Украине. На мой взгляд, сегодня не существует оппозиции между глобальным и локальным, ни трансформации локального в глобальное. Существует вращение локального в глобальное, при котором локальное становится основой глобального. Иными словами, появляется новый тип глобально-локальной формации, где превосходство универсальных ценностей воплощается в борьбе за эти ценности в не-Западном мире, в данном случае, в Украине. Зарождаются новые глобальные общественные движения, прежде всего, движение солидарности с Украиной. Их особенность состоит в очень сильном влиянии

>>

“В современном мире локальное прорастает в глобальное; при этом, локальное становится ядром глобального”

на правительства и в сокращении времени для принятия решений. Новые региональные альянсы начинают играть особую роль, иногда это альянсы между странами, не имеющими общих границ (т.н. «малые альянсы» таких стран, как Великобритания-Украина-Польша или Ассоциированное трио Украина-Молдова-Грузия).

Разумеется, эти процессы также требуют социологической рефлексии и дискуссии, диалога между представителями различных национальных школ и течений. Например, Российско-украинская война уже приобретает социологическое значение. Я имею в виду письмо Президента МСА [Сари Ханафи](#), где он описывает имперскую парадигму Путина и формулирует четыре урока этой войны для Ближнего Востока. В целом, я согласна с основными тезисами этого текста, однако в то же время я не считаю правильным прямое сравнение войн на Ближнем Востоке с текущей войной в Украине, где происходит геноцид украинского народа. Всякая война ужасна, но российская агрессия против Украины может представлять угрозу не только для Украины, но и для многих других стран мира, если мы не будем работать вместе, чтобы уничтожить режим, основанный на имперской парадигме.

> Куда идет социология

Теперь мы можем установить тенденции современной социологии, в соответствии с этапами, которые я обозначила выше. Приблизительный список может включать следующие 10 соображений:

- (1) Быстрое расширение границ социологии, ее материала и объекта изучения в результате проникновения в канонические сферы интереса дисциплины и в само поле социологической рефлексии феноменов, относящихся к искусственной реальности (виртуальная реальность, расширенная реальность, искусственный интеллект и т.д.);
- (2) Развитие многомерной и полифункциональной, гибридной по своему характеру, социологической рефлексивности, которая может производить концепты и модели сложных саморегулирующихся систем глобального, регионального и локального уровня и создавать возможности их применения в социальных практиках;

(3) Сдвиг от междисциплинарности к трансдисциплинарности, и появление соответствующего типа метатеорий, основанных на трансдисциплинарном синкретизме и холистическом мышлении;

(4) Рост значимости концептуализации проектов регионального развития и проблем сосуществования локальных, глокальных, глобальных, не-глобальных и пост-глобальных процессов и феноменов;

(5) Значительная сложность терминологии, которая отражается в увеличении числа гибридных терминов, заимствованных из социальных, гуманитарных, естественных и технических наук и в синтезе понятий постклассической и пост-неклассической социологии;

(6) Перенос внимания социологов с преимущественно статичных на преимущественно динамичные и даже реактивные общественные трансформации;

(7) Растущее значение изучения сложного (обычно нематериального) социального неравенства, с особым вниманием к новым формам неравенства, воплощенным в социальном напряжении и новых типах конфликтов вокруг противостоящих интересов и ценностей;

(8) Рост значимости теоретических и когнитивных функций современной социологии в условиях гиперергии (или гипердинамизма) и реактивных социальных трансформаций, а также усиление гуманистической функции в связи с дегуманизацией, возрастающей из-за постоянного появления новых технологий и текущих гибридных войн;

(9) Диверсификация методов и техник социологического исследования, вызванная использованием синтезированных методологий, изменениями количественных и качественных методологий и адаптацией методов других дисциплин. Комбинированный эффект этих методов позволяет социологам получать быстрые и валидные результаты;

(10) Переход от вербальных и невербальных методов социологического исследования к использованию цифровых технологий и т.д. ■

Адрес для связи: [<nchernysh@gmail.com>](mailto:nchernysh@gmail.com)

1. Наталья Черныш (Октябрь 2017) “Социология сегодня – тенденции и перспективы развития” <http://stmm.in.ua/archive/ukr/2017-4/4.pdf>.

> Коллективная и индивидуальная травма

Юрий Пачковский, Львовский национальный университет им. Ивана Франко, Украина

Ист.: Nastyaofly/Depositphotos.

Текущая Российско-Украинская война – это вызов для всего цивилизованного мира. События в нынешней Украине показывают коллапс всех принципов международного сосуществования государств, и то, насколько человеческие судьбы зависимы от волюнтаризма и имперских амбиций одной страны, а точнее, одного человека во главе государства, который стремится диктовать всему миру свою человеконенавистническую идеологию. Ужасы войны, которые испытывает сегодня каждый гражданин Украины, также влияют почти на все сферы мирового сообщества, которое стоит перед глобальными вызовами собственной безопасности, особенно в связи с угрозами России использовать ядерное оружие, а также в связи с последними проблемами миграции, глобального голода, энергетического и экологического кризиса. Эти проблемы могут показаться небольшими по сравнению с трагедией, а точнее, геноцидом, который сейчас переживает украинский народ. Согласно официальной статистике, за первые 115 дней войны, Россия убила больше детей в Украине, чем в Сирии за весь 2021 год и в Боснии за 1992-1995 гг.¹

Рассуждая о проблемах войны и ее последствиях как социолог и психолог, я думаю о нескольких аналогиях и сравнениях, которые хорошо вписываются в концепт социальной травмы (П. Штомпка, Дж. Александер, Р. Айерман и др.): война как глобальный вызов; война, пронизывающая человеческие судьбы; война как способ сконструировать новое видение и ценности человеческого существования; война как беспокойство и жизненный опыт; война как пространство человеческой деятельности и силы духа; война как борьба за личное будущее и за судьбу поколений; война как геноцид; война как путь к консолидации и солидарности, и т.д. Однако то, что объединяет все эти ассоциации с войной – это то, что по большей части, нам не-

обходимо найти способ переживать травматическое событие, которое влияет на жизнь человека и всего общества. Каждый человек, проживающий войну или сформированный в ее горниле, имеет уникальную историю. Слитые воедино, эти жизненные истории переплетаются и соединяются со страной, где мы были рождены, где мы живем и работаем и чью историю мы создаем.

История Украины подобна полету раненой птицы, которая пытается подняться выше и выше к свету из тьмы и неопределенности. На протяжении своего прогресса Украина пережила большую историческую травму. Например, стоит упомянуть события раннего XX века, борьбу украинцев за независимость от большевистской России, Голодомор 1930-х гг., разрушительную Германо-Советскую войну 1941-1945 гг., Чернобыль 1986 г. и теперь Российско-Украинскую войну, длящуюся с 2014 г., когда Россия аннексировала Крым и части Донецкой и Луганской областей. Социально-культурная травма позднего XX и начала XXI веков, порождена длительным периодом социальных трансформаций и разрушения старой системы ценностей, борьбой за демократию и европейский выбор во время Оранжевой революции 2004 г. и Революции достоинства 2013-2014 гг. Этот долгий исторический путь борьбы и страданий отпечатался в социальной памяти украинского народа. Глубокие эмоциональные переживания привели к ментальной травме социальных групп и индивидов. Согласно Министерству здравоохранения Украины, из-за полномасштабной войны, около 15 млн украинцев будут нуждаться в психологической поддержке, и 3-4 млн будет необходимо лечение ментальных заболеваний². По меньшей мере один из пяти украинцев пострадает от негативных последствий для здоровья в результате войны. При этом, число людей, страдающих от ментальных проблем, увеличивается с каждым днем войны.

Текущая война производит новое восприятие реальности. На уровне среднего украинца происходит разрыв со всеми существующими мифами о «русско-украинском братстве» и о любом общем пути, прошедшем через Великую Отечественную войну и восстановление экономики в послевоенные годы. Разница между нашими народами становится очевидной даже для тех украинцев, которые не разделяли идеи разрушения общих славянских корней. Такая идентичность может особенно остро проявляться в восприятии войны. Для нас, украинцев, она на самом деле является войной за нашу свободу, достоинство и существование. Для них, россиян, это не война, а так называемая «специальная операция»: героизация их героев-убийц и ненависть ко всему украинскому. Для нас, украинцев, эта война – глубоко травмирующее событие, а для них – это повод для эмоциональной эйфории и триумфа символов V и Z в массовом

сознании. Эта новая жизнь требует от всех украинцев огромного усилия, борьбы и консолидации, как она того требует и от всего демократического мира и, в особенности, от всех европейцев без исключения.

Особая трагедия этой войны была в предчувствии неожиданного. На протяжении предыдущих восьми лет люди на востоке страны жили в условиях военного времени, а вся страна – в условиях непонимания, которое «повисло» над каждым из нас. 24 февраля 2022 г. стало для нас началом обратного отсчета новой истории, когда каждый взрослый человек задался вопросом, хочу ли я вернуться в СССР или же я хочу жить в стране, где уважают права человека, свободу и демократию? Начало обратного отсчета — это, на самом деле, большой шок (эмоциональное состояние, ассоциирующееся с травматическим событием). Судьба страны была решена в первые 5-7 дней массового российского вторжения на протяжении 1000 км границы. Я попросил студентов социологического факультета Львовского национального университета им. Ивана Франко описать (реконструировать) свое восприятие войны за последние три месяца. Самые сильные эмоциональные впечатления в их жизни оказались связаны с первыми днями войны:

«Для меня, утро начала войны ощущалось так, будто умер какой-то близкий человек и я иду на похороны. Все были в ужасе. В первые несколько дней я боялась выходить на улицу, лежала в кровати и все время смотрела новости. На третий день войны я впервые вышла из дома и пошла с подружкой за хлебом. Очереди в магазинах были очень длинные, а полки с необходимыми продуктами почти пустые. Мне было некомфортно и страшно» (Вира, 19 лет).

«Первая ночь после объявления войны показалась мне очень длинной. Каждая машина, проезжающая мимо дома, казалась вертолетом или ракетой. Из-за постоянного стресса я не мог спать...» (Дмитро, 21 год).

«Первая ночь была самой худшей. Из-за невероятного стресса у меня началась бессонница, я постоянно смотрела новости. Я не знала, что делать, я была в панике. Около трех часов ночи три истребителя пролетели над моим домом. Это был такой громкий, тяжелый и тянущийся звук, что это казалось вечностью. С того момента моя паника удвоилась. Несколько дней паники без нормального сна и питания, полных страха и паники, меня истощили. Я не могла учиться, поэтому я начала искать, чем я могу быть полезна» (Анастасия, 20 лет).

«Я плачу каждый раз, когда я думаю, что мне нужно с кем-то расстаться или что я могу кого-то потерять... Я верю, что это не так страшно, как в кино, нам нужно через это пройти. Я очень люблю свою семью и своих родственников, несмотря на все беды и ссоры. Я хочу, чтобы все были вместе, живы и здоровы. Пусть все будет хорошо. Я хочу жить» (Ксения, 18 лет).

«В 7.44 во Львове впервые зазвучала воздушная тревога. Я выскочила из кровати и побежала в подъезд к соседям. На лице у меня застыла гримаса нервной улыбки и меня всю трясло...» (Марта, 18 лет).

Известно, что, переживание травмы занимает столько же времени, сколько человек находился под влиянием травматического события. Процесс «переживания» может длиться месяцы, годы или даже десятилетия, в зависимости от силы воздействия события на человека и от его сопротивляемости к стрессу. На мой взгляд, исследование коллективной травмы войны как острого стресса в контексте «травмы свидетеля», «человеческого страдания», «поиска смысла жизни», «синдрома военной тревожности», «совместного переживания травматических событий» и т.д. сейчас своевременно как никогда. Текущий случай украинского общества показывает высокую степень самоорганизации. Этот пример мог бы стать вдохновляющим для широкой работы по предотвращению коллективных травм, последствия которых имеют глубокую психотерапевтическую значимость. Парадоксальным образом, они могут иметь конструктивное воздействие на общество в целом. Для Украины, переживание войны как коллективной травмы означает:

- 1) Финальный разрыв с советским прошлым, российскими империалистическими вторжениями и «Русским миром»;
- 2) Возможность восстановить территориальную целостность, обеспеченную международными гарантиями безопасности, мира и ленд-лиза;
- 3) Строительство гражданского общества и, в первую очередь, структур волонтерского движения, которое приобрело широкий охват и стало важной опорой для строительства государственности;
- 4) Открытие европейской перспективы для Украины как кандидата на вступление в Европейский Союз;
- 5) Прогресс в инновациях как результат реконструкции страны с участием западных инвестиций и широких международных программ поддержки регионов, особенно сильно пострадавших от военных действий;
- 6) Поддержание демократических (цивилизованных) ценностей и их ненарушаемости в современном мире;
- 7) Создание нового паттерна солидарности между странами, осознающими глобальные угрозы войны;
- 8) Осознание решимости украинского народа в защите своей независимости и понимание того, что Украина уже победила российского агрессора своим вдохновленным сопротивлением.

Разумеется, преодоление травматической ситуации предполагает не только скоординированные действия всего украинского общества. Оно также требует понимания личных проблем каждого человека, пострадавшего от войны. По моему мнению, объединяющий фактор для индивидуального и коллективного выхода из травматичной ситуации – это глубокая вера каждого в победу. ■

Львов, 25 июня, 2022

Адрес для связи: <ypachkovskyy@gmail.com>

1. (на украинском) <https://molodost.in.ua/news/7002/> (19 июня, 2022).
2. (на украинском) <https://poglyad.tv/u-moz-vvazhayut-shcho-cherez-vynnu-kozhen-pyaty-ukrayinec-matime-problemi-z-psihikoyu-article> (10 июня, 2022).

> Война в Украине меняет всё, ЧТО МЫ ДУМАЛИ МЫ ЗНАЕМ

Дари Кристеа, Университет Бухареста, Румыния

Я уже не раз писала об отсутствии методологии в социологии международных отношений и исследованиях безопасности, об их слишком близкой и, возможно, фатальной связи с журналистикой. Социальные ученые сходят с ума, пытаясь выполнять функцию предсказателей. Возможно, чтобы доказать свою причастность к канонам причинно-следственных связей, они пытаются предсказать кризисы, тренды и результаты выборов. И каждый раз их обвиняют в ошибочности. Перед 2020 г. социология не придавала достаточного значения возможной пандемии, признаки войны в Украине не были верно интерпретированы, а предвыборные опросы всегда менее точны, чем этого бы хотелось публике и прессе.

> Два года сюрпризов

Последние два с половиной года были полны сюрпризов. За шок *не просто простуды* (пандемия COVID-19) последовал шок войны, удивительно похожей на те, что мы видели в первой половине прошлого века. Трагедия, которую эта война принесла в Украину, огромна, и уже широко обсуждается. Но шок войны в Западном мире, от фотографий беженцев до фотографий бомбардировок, танков и разрушенных городов, тоже достоин внимания. На протяжении трех десятилетий считалось, что возиться с подобными проблемами поручено социологии, политологии, международным отношениям, исследованиям стратегии и безопасности, военной науке и дипломатии. Западное общество почему-то считало себя освобожденным от подобных проблем. Разве не для этого есть специально обученные люди, которые должны исследовать такие проблемы и стараться их предотвратить? Так что же мы как социологи узнали из происходящего в Украине?

> Взгляд из Румынии и релевантность НАТО

С момента входа Румынии в НАТО и ЕС, румыны последовательно были среди народов Европы, с наибольшим энтузиазмом поддерживающих НАТО, ЕС и США, особенно после атаки России на Украину. Действительно, основная критика в адрес НАТО в последние годы состояла в том, что в относительно стабильной с точки зрения безопасности обстановке, где угрозы представляют не государства, а асимметричные конфликты с негосударственными акторами (напр., терроризм) или отдельные случаи «ссор» государств с международным порядком, колосс вроде НАТО становится ненужным. Нападение России на Украину, хотя официально и не признается Россией как война, восстановило релевантность НАТО как гаранта безопасности

для государств-членов и подорвало идею неприсоединения (вспомним Финляндию и Швецию).

> Партии против системы

В последние годы в Европе возникают более или менее успешные антисистемные партии, многие из которых поддерживают популистские, суверенные или евроскептические позиции. Пандемия и усилия европейских государств по контролю над COVID-19 обеспечили платформу для этих движений, большинство из которых выступают против вакцинации и ограничений передвижения и даже отрицают существование пандемии. В Румынии, российское вторжение в Украину снизило привлекательность таких антисистемных движений и увеличило популярность НАТО и ЕС.

Существует много спекуляций о близости антисистемных движений к России или к темам российской пропаганды, хотя это очень сложно доказать. В последние месяцы мы увидели, что отношение этих движений к войне нетипично: от отказа комментировать тему войны до утверждений, что Украина не очень демократическая страна (как будто это меняет тот факт, что Россия очевидный агрессор в этой войне); от снижения эмпатии с жертвами войны до обеспокоенности за румынское меньшинство в Украине и утверждений об относительности определения агрессора в этой ситуации. Поэтому война в Украине – это настоящая лакмусовая бумажка для антисистемных партий и их все еще необъяснимой слабости к Путинской России.

> Реванш реализма

После 1990-х гг. социология международных отношений жила в парадигме конца истории: великие войны закончились, даже холодные, либерализм победил над реализмом. Предполагалось, что будут еще единичные войны, объясняемые локальными и региональными проблемами, но мир стал однополярным; в нем существует несколько слабых держав, неспособных бросить вызов США. Это парадигма *единой сверхдержавы*. После 11 сентября 2001 г. сценарий казался переписанным, но только внешне. Появился новый враг (терроризм), ось зла, поддерживаемая государственными акторами; вызовы мировому порядку, вооруженная борьба и пр. стали преступными актами, но не войнами. Международная система уже не была такой мирной (хоть и с оговорками о единичных войнах), как представлялось в 1990-е гг. Появился асимметричный и неконвенциональный враг, но, с военной точки зрения, мир не находился в большой опасности, а страх большой войны на Западе был незначитель-

>>

“Главный недостаток социальных наук – их мультипарадигмальность – может оказаться исключительно полезным, если мы знаем, как им пользоваться и придаем больше значения пониманию мира, чем подтверждению гипотез”

ным. США/НАТО были по-прежнему центральной сверхдержавой в международной системе, а сама система была либеральной. Американский президент Дж. У. Буш сказал, что Румыния станет мостом к новой России. Военную и экономическую мощь Запада поддерживала мягкая власть. Запад расширился, потому что постоянно были кандидаты, желающие к нему присоединиться.

Но реализм готовился взять реванш. После 2010 г. стало невозможно игнорировать экономическую мощь Китая. Примерно в то же время, ни Россия, ни Китай не проявляли желания принять мировой порядок предыдущих двадцати лет. Если мы ближе посмотрим на Россию, мы увидим вторжение в Грузию в 2008 г., в начале 2010-х гг. серьезные попытки предотвратить Евро-Атлантический поворот Украины и Молдовы, в 2014 г. восстание на Донбассе при поддержке России, за которым последовала аннексия Крыма. На Западе, люди не думали, что возможна новая война в Европе, поэтому эти события прошли без особенного внимания. После 2010 года Россия изменилась и постепенно становилась потенциальным агрессором; однако поддержание мирового порядка все еще оставалось в приоритете.

В феврале 2022 г. российское вторжение в Украину стало очевидным актом агрессии, непонятым широкой общественности. Мысль о том, что ориентация Украины на Запад делает Россию уязвимой для НАТО и для ЕС, морально трудна для понимания. 2014 г. обозначил окончательный разрыв между Россией и Украиной. То, что российская общественность поддерживает эту войну, ошеломляет. Но для эксперта очевиден выбор реалистической парадигмы и отрицание либерализма, который, казалось, бы победил в межпарадигмальном споре в международных отношениях после почти столетнего теоретического соперничества.

Кроме того, эта война с ракетами, танками, шлемами и автоматами – как в документальных фильмах о войнах пятидесятилетней давности – ясно показала, что войны не исчезли. Ядерное оружие, которое почти не обсуждалось в теории международных отношений с 1990-х гг., также никуда не делось. Даже теория, на которую опирается этот феномен, совсем не нова. Десятилетия исследований международных отношений и безопасности, кажется, прошли зря, как будто мы возвращаемся к войне в Корее и Кубинскому кризису.

Если обобщать, мы находимся в ситуации классической дилеммы безопасности. НАТО не вовлекается в конфликт в Украине

напрямую, но находится в напряжении. Где остановится Россия? Страх войны в Восточной Европе достиг своего пика с 1990-х гг. Современное оружие не отличается от старого: оно не экономичное, не виртуальное, не цивилизованное, не защищает гражданское население. Современное оружие настолько классическое, насколько возможно, только более разрушительное. Политики, военные, аналитики и широкая публика жили двадцать лет в иллюзорном комфорте. Давайте не забывать, что фальшивые новости и российская пропаганда обсуждались в течение десятилетий, особенно после 2014 г., но большинство комментаторов использовали термин «информационное оружие», как будто оно заменило реальную войну. Теперь мы видим, что фальшивые новости делают то же, что всегда делала пропаганда: подготавливают почву для настоящей войны и помогают ее вести.

> Давайте не забывать о Молдове

Если рассматривать войну в Украине из румынской перспективы, нужно обратить внимание на Молдову. Чувствительность румын относительно Республики Молдовы и тесные связи между странами широко известны. В 1990 г., когда кости были брошены, Молдова осталась по другую сторону стены, а у Румынии был только один основательный политический проект: евро-атлантическая интеграция. И похоже, что этот проект сработал. Один из нынешних страхов связан с возможным расширением конфликта в Приднестровье и Республике Молдова (о которой до сих пор никто не слышал). Молдова – это, возможно, лучший пример государства, которое стало жертвой идеи о пользе нейтральности. Оно пытается проявлять прагматизм: в течение 30 лет Молдова пыталась поддерживать функциональные отношения с ЕС/Румынией и с Россией.

Говоря коротко, я думаю, что главная обязанность исследователей – в том, чтобы оставить попытки предсказать будущее и сфокусироваться на возможных сценариях, для которых они могут найти подходящие решения. Не в первый раз в истории реальность не совпадает с теорией. В конце концов, главный недостаток социальных наук – их мультипарадигмальность – может оказаться исключительно полезным, если мы знаем, как им пользоваться и придаем больше значения пониманию мира, чем подтверждению гипотез. ■

Адрес для связи: <darie.cristea@sas.unibuc.ro>

> Почему необходимы сравнительные интерсекциональные данные об ЛГБТК+

Саит Байракдар, Королевский колледж Лондона и Эндрю Кинг, Университет Суррея (ВБ).

Понимание масштаба неравенства необходимо для разработки информированной политики, ориентированной на улучшение качества жизни людей ЛГБТК+. Авт.: Саит Бейракдар.

Несмотря на значительный прогресс во многих европейских странах за последние несколько десятилетий, исследования показывают, что неравенства, которые испытывают лесбиянки, геи, бисексуалы, транс-персоны и другие сексуально и гендерно разнообразные люди, не исчезают. Многие люди сталкиваются с этой дискриминацией в различных социальных средах, на рабочих местах и в публичных пространствах, а также при использовании государственных услуг.

> Нехватка современных данных о неравенстве

Понимание масштаба такого неравенства необходимо для разработки информированных программ по улучшению жизни ЛГБТК+ людей. Однако, до последнего времени, источники дан-

ных, которые позволяли бы авторам законопроектов получить такие знания, не были доступны. До второго десятилетия этого века, многие опросы не собирали регулярно информацию о сексуальной ориентации или гендерной идентичности. И даже сегодня многие крупные опросы не включают вопросы о гендерной идентичности.

Проблемы с данными ограничивают возможности проводить сравнения между странами по шкале ЛГБТК+ неравенства: попытки собрать опросные данные остаются ограничены национальными границами. Исследователи часто ограничиваются сбором данных в своей стране и исследуют опыт и неравенства в рамках национальных законодательных, социально-экономических, политических и культурных контекстов. Несомненно, данные, собранные в отдельных странах важны и полезны.

>>

Однако такие методологические решения, часто ограниченные практическими и локальными проблемами, не помогают расширить наше понимание масштаба ЛГБТК+ неравенств на глобальном уровне. Исследования, опирающиеся на данные, собранные в одной стране, часто не позволяют изучить, как контекстуальная информация на уровне страны может повлиять на ЛГБТ+ неравенства в наднациональном масштабе. Если лонгитюдные данные позволяют выявить эффекты некоторых интервенций, влияние контекстуальных факторов, вшитых в длительные общественные процессы, сложно изучить даже в относительно длительных панельных исследованиях.

> Почему данные должны быть сравнительными и интерсекциональными

Использование сравнительного подхода, при котором сопоставляются показатели неравенства в разных странах, позволяет понять, как контекстуальные факторы формируют ЛГБТК+ неравенства и дискриминирующие практики. Этот подход важен с социологической, так и с правовой точки зрения. Учет таких факторов социологически значим, т.к. переносит фокус с индивидуального уровня на контекстуальный и показывает, где правительства и другие организации не проводят эффективных мер и на каких сферах им нужно сосредоточиться.

Однако есть и другие проблемы. Когда опросы не собирают детальных данных о таких социальных идентичностях, как сексуальная и гендерная, они не позволяют исследователям проводить сравнение не только между странами, но и между социальными группами, и с учетом т.н. «интерсекциональных факторов»: различий между ЛГБТК+ людьми по ряду характеристик, таких как класс, этничность, религиозная принадлежность, состояние здоровья и т.д. Эти интерсекциональные различия важно оценить, чтобы в дальнейшем проектировать более инклюзивные меры помощи всем представителям ЛГБТК+ сообществ.

> Перспективность сравнительного интерсекционального исследования

Мы применили сравнительный интерсекциональный подход в проекте [CILIA-LGBTQI+](#) (Сравнение интерсекциональных неравенств ЛГБТКИ+ граждан четырех европейских стран). В начале нашего проекта, который осуществлялся в Англии, Германии, Португалии и Шотландии, мы сделали обзор литературы и провели картирование данных, чтобы определить пробелы в сравнительном интерсекциональном знании. Мы выяснили, что нам нужен массив данных, который позволил бы провести межстрановые и интерсекциональные сравнения, но подходящих источников данных было очень мало. В этом смысле очень полезен опрос лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров ЕС ([EU LGBT Survey](#)), который проводится Агентством ЕС по основным правам человека. В нем содержится информация о ЛГБТК+ людях в 28 странах Европы, касающаяся событий их жиз-

ни, опыта дискриминации и демографических характеристик. Сравнительный дизайн опроса и подробные вопросы об опыте и инцидентах, связанных с идентичностью ЛГБТК+, предоставили нам уникальную возможность исследовать пересечения разнообразных сообществ в различных национальных контекстах.

> Некоторые сравнительные интерсекциональные результаты

Проведенный нами [анализ](#) этих данных позволил нам исследовать вероятность опыта дискриминации, харассмента и насилия в Германии, Португалии и Великобритании. Он показал серьезные различия в положении и опыте лесбиянок, геев и транс-персон в этих трех странах. Так, например, транс-персоны, с большей вероятностью сталкиваются с дискриминацией, харассментом и насилием во всех трех странах; лесбиянки с большей вероятностью подвергаются дискриминации и харассменту, чем геи, хотя последние чаще подвергаются насилию. В целом, опыт ЛГБТК+ представляется очень разнообразным, и это заслуживает большего внимания законодателей.

Кроме того, существуют интересные различия между тремя странами. В Британии транс-персоны наиболее часто сталкиваются с дискриминацией, харассментом и насилием; уровень насилия против них самый высокий в этой стране. Мужчины-геи с большей вероятностью становятся жертвами насилия в Британии, чем в Германии или Португалии. Для формирования опыта ЛГБТ людей важны и другие социально-демографические характеристики. Например, принадлежность к этническому меньшинству или наличие ограничений по здоровью увеличивает вероятность подвергнуться насилию во всех трех странах, тогда как увеличение экономических ресурсов (измеряемых доходом семьи) снижает вероятность насилия в Германии и Британии, но не в Португалии.

> Как развивать политику защиты ЛГБТК+

Такие детальные различия заслуживают внимания, потому что указывают на контекстуальные факторы, которые влияют на опыт ЛГБТК+ людей. Поэтому нам нужно больше данных, которые позволят изучать ЛГБТК+ неравенства сравнительно и интерсекционально. Под этим мы имеем в виду понимание мелких нюансов того, как проявляется дискриминация, харассмент и насилие. Это было бы первым проактивным, а не реактивным шагом в разработке мер поддержки ЛГБТ людей. Сбор таких данных позволит развить подход к равенству, который выйдет за рамки законодательства и позволит понять динамику связей между структурными и контекстуальными факторами, влияющими на жизнь ЛГБТК+ людей. ■

Адреса для связи:
<sait.bayrakdar@kcl.ac.uk>
<Andrew.king@surrey.ac.uk>

> Кто знает?

Признание, цитирование и эпистемическая несправедливость

Яна Басевич, Университет Дарэма, ВБ

Авт.: Pixabay 2016.

Академическая профессия становится более разнообразной во многих смыслах. С 1990 г. женщины составляют большинство студентов бакалавриата и магистерских программ во всём мире. В ЕС женщины составляют 54% студентов бакалавриата, 58% студентов магистратуры и 48% докторантов, но их всё ещё только 24% среди профессоров. Этнические меньшинства тоже недопредставлены в академической профессии: в Великобритании, например, чернокожие и представители этнических меньшинств занимают только 7,3% профессорских позиций.

> Отношение между образованием, знанием и социальной справедливостью

В последние годы эти неравенства становятся все более видимыми, отчасти благодаря кампаниям по деколонизации учебного плана и росту осведомленности об отношении между образованием, знанием и социальной справедливостью. И все же отношение между социальными и эпистемическими неравенствами имеет глубокие корни, и нам нужно смотреть не только на то, кто учится и преподает в наших аудиториях, но и

на источники знаний, включая списки источников для чтения. Чьи голоса представлены? Чье знание преподносится как релевантное и для чего?

Концепт эпистемической несправедливости схватывает, как социальные неравенства – например, гендерное или этническое/расовое – определяют, кто может считаться легитимным/заслуживающим доверия профессором. Формализованный Мирандой Фрикер, этот термин получил распространение среди философов, феминистских эпистемологов и других ученых, которые изучают различные формы «избытка и дефицита доверия», т.е. различий, порожденных тем, как предрассудки, основанные на идентичности, влияют на принятие и интерпретацию знания. Например, признание человека «надежным свидетелем» в суде, зависит от того, как воспринимается его классовый, гендерный, возрастной и расовый/этнический статус. Обычно это восприятие работает в ущерб маргинализированным и исторически неблагополучным группам.

Однако эпистемическое неравенство действует не только на уровне индивидуального вклада в производство знания. Оно

>>

измеряется, оценивается и обменивается, иными словами, оно является частью глобальной политической экономики производства знаний. В этом смысле, вопрос не в том, кто может считаться обладателем валидного знания, но также в том, что они могут знать. Как социолог знания, я называю это отношением между эпистемическими субъектами (теми, кто знает) и эпистемическими объектами (о чем знают).

> Воспроизводство социального неравенства внутри академии

В статье «Epistemic injustice and epistemic positioning: towards an intersectional political economy» [Эпистемическая несправедливость и эпистемическое позиционирование: к интерсекциональной политической экономике], я разрабатываю понятие эпистемического позиционирования, чтобы показать, как суждения о тех, кто обладает знанием, влияют на суждения об объектах знания, и наоборот. Приведу простой пример: зачастую претензии женщин на знание воспринимаются как «эмоциональные» или «основанные на опыте», тогда как высказывания мужчин классифицируются как «теоретические» или «всеобщие». Существуют и другие систематические и устойчивые формы дискредитации, как, например, практика называть критическую теорию расы или любой другой тип знания, основанного на идентичности, «исследованиями жалоб». Я называю такой механизм *привязыванием (bounding)*, потому что оно фреймирует знание как привязанное к личному опыту (или «жалобам») субъекта, а не как равноправный вклад в научное знание.

Второй тип позиционирования, который я называю *созданием доменов (domaining)*, тесно связан с первым. Это ситуация, когда новое знание, привнесенное определенным типом субъектов, ассоциируется с доменами или дисциплинами на основании идентичности говорящего. Например, женщины на академических конференциях часто высказываются, опираясь на «гендерную» или «феминистскую» перспективу, тогда как чернокожих или представителей этнических меньшинств приглашают высказаться «о расе». Усложняет ситуацию то, что эти формы позиционирования часто используются учеными стратегически, чтобы выстраивать отношения в сетях академического покровительства и признания. Однако такое позиционирование также искусственно ограничивает возможность признания субъекта в качестве знающего о чем-либо. Ученые, принадлежащие к этническим меньшинствам, обычно фреймируются как эксперты в каком-либо элементе их идентичности или наследия. Белые и «немаркированные» ученые могут быть экспертами в чем угодно. Это делает академический капитал последних намного более конвертируемым: шанс быть нанятым гораздо выше, если ты можешь преподавать сразу несколько предметов, а не только одну узкую специализацию. *Создание доменов*, как и *привязывание* – тенденция сводить претензии на знание к идентичности говорящего, – воспроизводит социальные неравенства внутри академии.

> Эффект Матфея

Однако успех в академической профессии – это не только результат признания экспертизы в подходящих контекстах. Часто это вопрос признания вклада как такового. Женщины и представители меньшинств в академии часто испытывают третью

форму позиционирования: сокрытие авторства. В этом случае их работа используется, но без надлежащего цитирования или признания. Иногда это принимает форму настоящего «присваивания», где признание достается кому-то другому – часто мужчине, белому, занимающего более высокую должность и обладающему привилегиями. В социологии есть название для этого феномена: эффект Матфея.

Обычно приписываемый Роберту Мертону, термин «эффект Матфея в науке» (названный в честь строчки из Евангелия от Матфея: «Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимущего отнимется и то, что имеет») описывает тенденцию, согласно которой признание за научные достижения достается самому старшему и признанному ученому в команде. В 1993 г. Маргарет Росситер предложила связанный термин *эффект Матильды*, чтобы описать тенденцию признания заслуг за мужчинами, а не за женщинами. Но немногие социологи знают, что, возможно, самый знаменитый случай эффектов Матильды и Матфея – это как раз и есть сам эффект Матфея.

Понятие *Эффект Матфея в науке* впервые используется в одноименной публикации Мертона в журнале *Science*, но сам термин был разработан совместно Мертоном и Харриет Цукерман, чье исследование лауреатов Нобелевской премии стало ключевым эмпирическим материалом для изучения данного феномена. Мертон сам открыто написал об этом во втором и третьем издании статьи. В постраничной сноске он указал, что «основывался на интервью и других материалах исследования Цукерман до такой степени, что, очевидно, статья должна была выйти под совместным авторством» и что «достаточное чувство распределительной и коммутативной справедливости требует признать, хотя и с опозданием, что публикация научной статьи не является достаточным основанием для присвоения себе исключительного авторства». И все же это не изменило того, как термин воспринимается в академии: большинство социологов, по сей день, приписывают Мертону авторство термина.

> Требования эпистемической справедливости

Всё это показывает, что запоздалые утверждения об авторстве не могут повернуть вспять долгосрочные эффекты эпистемической несправедливости. Женщины и меньшинства в академии, которые требуют признания, часто воспринимаются как надоедливые, агрессивные или мелочные. Благодаря *привязыванию* и *созданию доменов* становится проще исключить кого-либо из списка литературы. Это исключение происходит если исследование посвящено всего лишь некоторому конкретному объекту (например, университету, а не власти); если оно было преимущественно основано на опыте (а не на теории), и особенно в том случае, если авторы проявляют *мелочность* по поводу нецитируемости.

Поскольку наши профессии и списки литературы становятся разнообразнее, нам необходимо быть внимательными к тенденции не только исключать, но и позиционировать определенных ученых и их работу как менее значимую, достоверную или применимую. Эпистемическая справедливость требует, чтобы каждый из нас проделывал эту работу и получал признание за то, что делает. ■

Адрес для связи <jana.bacevic@gmail.com>

> Прибыльные тела и мобильность заботы в Центральной и Восточной Европе

Петра Еззеддин, Карлов Университет в Праге, Чешская Республика и Кристин Краузе, Университет Амстердама, Нидерланды

Ист.: Лине Мерат. Транснациональные ландшафты заботы включают тела заботящихся и тела тех, о ком заботятся.

Ландшафт заботы в странах Вишеградской четверки (Чехия, Словакия, Польша и Венгрия) быстро меняется из-за общей маркетизации режимов заботы, миграции, изменений в гендерных отношениях и стремительно стареющего населения. В этих условиях появляются новые сложности и происходит диверсификация сектора заботы, в который вовлекаются различные частные предприятия (включая сервисы сферы туризма и спа). При этом роль семьи и государства меняется. Более того, обеспечение заботы затрудняется недостатком работников в связи с эмиграцией женщин на рынки заботы более богатых европейских стран. Связанная с предыдущей, но затрагивающая куда меньше людей проблема – это миграция пожилых людей в обратном направлении, в страны, где стоимость заботы на две трети ниже более дорогих соседних стран.

В наших текущих исследовательских проектах «Transnational care landscapes in Central Europe: Privatization, marketization and overlapping mobilities» [Транснациональные ландшафты заботы в Центральной Европе: приватизация, маркетизация и перекрывающиеся мобильности] и «Relocating Care within Europe» [Релокация заботы в пределах Европы], мы исследуем эти два взаимосвязанных типа мобильности заботы: трудовую миграцию работников по уходу из Центральной и Восточной Европы в Германию, и маленький, но символический феномен релокации немецких пожилых граждан в учреждения по уходу в Вишеградских странах. Обе тенденции вносят вклад в получение прибыли: происходит присвоение труда «работающих» тел (в виде труда мигрантов) и использование «прав», которыми располагают хрупкие пожилые тела.

> Социальное воспроизводство, социальное гражданство и тело

Тело часто остается вне дискуссии, несмотря на то, что оно является центром социального воспроизводства и социального гражданства. Оно, однако, является главной точкой пересечения, где на самом низком уровне сталкиваются потенциально напряженные динамики: телу необходимо питание, гигиена, одежда и отдых. Чтобы тело работника могло работать, другие тела должны предоставлять ему услуги.

Социальное воспроизводство – это термин, предложенный марксистскими феминистками, для обозначения всей невидимой работы, необходимой для починки и поддержания повседневной жизни обществ, включая социальные отношения и поддержание среды проживания. В свою очередь, термином социальное гражданство обозначаются права граждан на социальную защиту и образование, которые должны обеспечивать их возможностью оставаться здоровыми и хорошо образованными.

Таким образом, социальное воспроизводство и социальное гражданство тесно связаны. Оба процесса принимают участие в воспроизводстве более широких систем и инфраструктур, необходимых для жизни и функционирования общества, включая труд заботы. Когда корреляция между воспроизводством и гражданством меняется, возникает проблема социального воспроизводства. Что происходит при релокации социального гражданства, когда пожилых людей перевозят в другую страну, чтобы обеспечить им заботу? Пытаясь осмыслить ландшафты мобильности заботы в Европе, мы используем термины «социальное воспроизводство» и «социальное гражданство» как аналитические инструменты.

> Ландшафты мобильности заботы в ЦВЕ

Процессы мобильности и трудовой миграции, укоренные в прошлом и протекающие в настоящее время, приводят к аутсорсингу заботы в Центральную и Восточную Европу (ЦВЕ) и формированию частной инфраструктуры заботы. Так, например, польские трудовые мигранты, которые имеют опыт работы по уходу в Германии, сегодня являются основателями частных учреждений по уходу в Польше; они высоко ценятся, благодаря своей компетенции и языковым навыкам. Агентства по найму в регионе предлагают услуги посредничества, связывая семьи с домами престарелых. Кроме того, пожилые люди в частных учреждениях по уходу в Вишеградских странах – это часто ро-

>>

Релокация заботы в Европе.
Ист.: [ReloCare](#).

дители тех, кто мигрировал на работу в другую страну и зарабатывает достаточно, чтобы оплачивать заботу о своих родителях в родной стране. В других случаях, пожилые люди – это возвратившиеся домой мигранты, которые, проработав всю жизнь в Австрии или Германии, получили право на страховку от этих стран и поэтому могут позволить себе проживание в частном доме престарелых. Такие случаи добавляют сложности вопросу о социальном гражданстве в европейских государствах благосостояния.

Результаты нашего исследования позволяют утверждать, что в Вишеградских странах появление частных учреждений по уходу напрямую связано с утечкой заботы из-за миграции. В одном их домов престарелых, расположенном в Чешской Республике всего в двух км от Германии, проживают чешские и немецкие представители старшего поколения, нуждающиеся в уходе. Однако в этом пансионате работают не чешские работники, потому что те уехали на более высокооплачиваемую работу в Германии. Рабочие места там занимают мигранты из Украины и Молдовы.

Приведем еще один случай перехлестной мобильности. После того, как уроженец Италии, проживший много лет в Германии, Роберто, пережил инсульт, он больше не мог себя обслуживать и нуждался в помощи на постоянной основе. Его дети не могли оплатить ему уход в Германии и перевезли его в Польшу, где есть рынок услуг по уходу за пожилыми людьми из Германии. Однако Роберто не был уроженцем Германии: он переехал сюда из Италии как молодой гастарбайтер, остался, завел семью и состарился. Его дети, как и многие другие немецкие семьи, столкнулись с проблемой системы долгосрочного ухода, которая финансируется за счет обязательного страхования граждан, которое нужно дополнять пенсией и семейными сбережениями. В польском доме престарелых Роберто пытался использовать свои базовые знания немецкого и помощь Паулы,

польской пожилой женщины, которая иногда переводила для него. Она выросла на бывшей немецкой территории в юго-западной Польше и говорила на обоих языках. Истории этих пожилых людей, встретившиеся в частном доме престарелых в Польше, показывают пример комплексности социального воспроизводства и гражданства в современной Европе. В жизни людей продолжают играть роль как текущие миграционные передвижения, так и меняющиеся границы, и история переселения после Второй мировой войны.

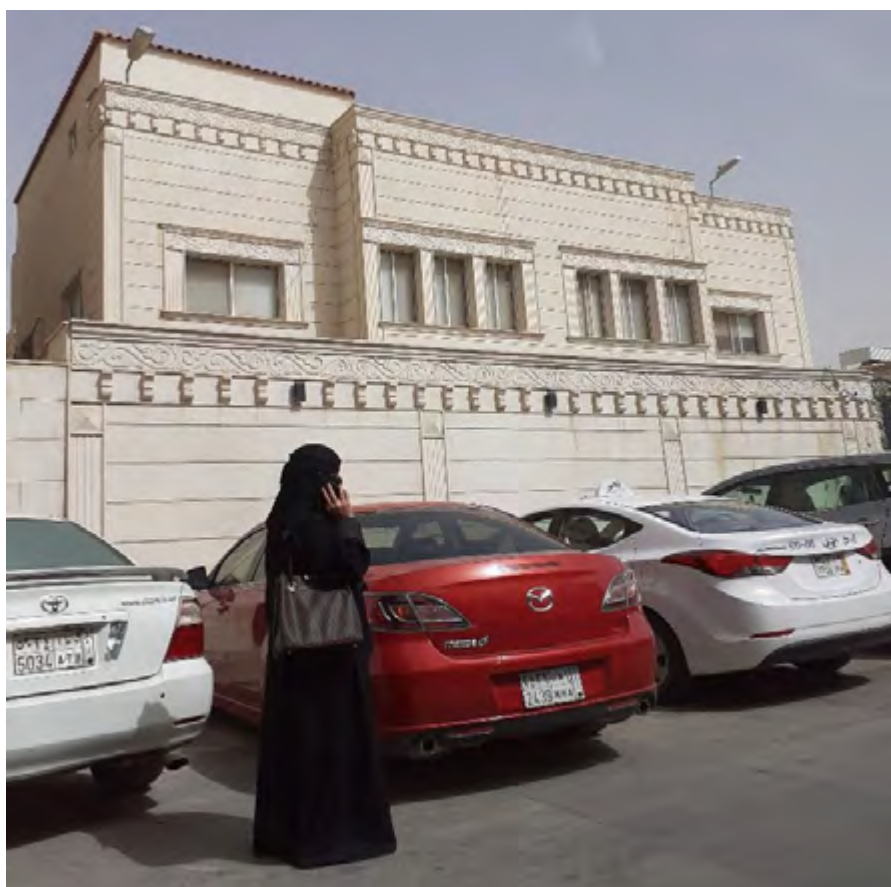
> Заключение

Транснациональные ландшафты заботы в Центральной Европе извлекают прибыль как из заботящихся тел, так и из тел, нуждающихся в заботе. Транс-локальное социальное воспроизводство в регионе находит выражение в двух взаимосвязанных феноменах. Во-первых, благодаря миграции (женщин)-работниц по уходу идет процесс транснационализации заботы, который приводит к «разрыву в заботе» в их родных странах. Во-вторых, наблюдается гораздо меньший по масштабу обратный феномен аутсорсинга заботы, когда пожилые люди перемещаются в места, где стоимость ухода составляет примерно треть от его стоимости в странах их проживания. Оба феномена ставят под вопрос то, как мы концептуализируем права и социальное воспроизводство в терминах европейского социального гражданства и режимов заботы. Мы утверждаем, что эти виды мобильности заботы показывают, как тело оказывается вовлечено, но не учтено при кризисе социального воспроизводства и социального гражданства в Европе, где существует географическое неравенство в обеспечении благосостояния. ■

Адреса для связи:
<Petra.Ezzeddine@fhs.cuni.cz>
<k.krause@uva.nl>

> Брокеры домашнего труда: рынок Шри-Ланки и Саудовской Аравии

Уасана Ханадапангода, Университет Иоганна Кеплера в Линце, Австрия

Нанимательница из Саудовской Аравии.
Ист.: Уасана Ханадапангода

С ранних 1980-х гг. ланкийские женщины массово мигрируют в качестве домашних работниц в богатые нефтяные страны Персидского залива. Этот отток рабочей силы стал результатом либеральных экономических реформ в Шри-Ланке, запущенных в 1977 г., и арабского нефтяного бума 1973 г., которые открыли широкий рынок оплачиваемого домашнего труда на фоне глобализации. Сегодня мигрантская домашняя работа по размеру валютных поступлений стала одним из главных экспортных товаров. Саудовская Аравия является крупнейшим в Заливе импортером домашнего труда. Между странами образовался устойчивый взаимовыгодный обмен на глобальном рынке заботы. Шри-Ланку, таким образом, можно назвать транснациональным брокером, торгующим домашним трудом в обмен на комиссию, которой в данном случае являются денежные переводы, посылаемые мигрантами в свои семьи домой.

Частные миграционные брокеры (ЧМБ) играют центральную роль в предоставлении посреднических услуг для труда заботы.

Большинство ланкийских женщин обращаются к ним за помощью в поиске оплачиваемой домашней работы в Заливе. Эта статья предоставляет краткий обзор брокерства частных агентств домашней работы на ланкийско-саудовском рынке заботы как составного элемента глобальной политической экономики заботы. Статья основывается на полевой работе, выполненной на Шри-Ланке и в Саудовской Аравии в 2019 и 2020 гг. соответственно.

> Брокерство в отношении трудовых мигрантов в сфере домашней работы

Маркетизация домашней заботы в миграционном коридоре из Шри-Ланки в Саудовскую Аравию приводит к формированию ЧМБ в обеих странах; они обеспечивают основную транснациональную связь между ланкийскими домашними работницами - мигрантками (ЛДРМ) и саудовскими нанимателями.

Получив поддержку своих правительств, частные агенты по

>>

найму в Шри-Ланке (местные агенты – МА) и Саудовской Аравии (иностранцы агенты – ИА), организуют и существенно упрощают мобильность мигрирующих домашних работников (МДР). Процесс мобильности начинается с запроса на работу ЛДРМ от саудовского нанимателя, размещенного через ИА. После этого, ИА получает обязательное одобрение запроса от Миссии Шри-Ланки в Саудовской Аравии и отправляет одобренный запрос МА. МА регистрирует запрос в Ланкийском бюро зарубежного трудоустройства (ЛБЗТ), связывается с потенциальными МДР, проверяет их профили и выбирает тех, кто подходит по таким критериям, как размер оплаты, возраст, опыт, владение арабским языком и религия. Поиск потенциальных МДР происходит с помощью оплачиваемых субагентов в деревнях Шри-Ланки, которые, преодолевая географическое и социальное пространство, связывают кандидатов с МА в городах.

Заявки выбранных кандидаток затем отправляются ИА, и наниматель выбирает МДР согласно своим критериям. После подтверждения нанимателя, МА продолжает процесс мобилизации, помогая МДР получить разрешение на работу и всю необходимую документацию, включая паспорт, визу, медицинский сертификат, сертификат об обучении от ЛБЗТ и трудовой контракт на два года. МА также берет на себя оплату авиабилета и персонализированной комиссии, которую потом возмещает из оплаты своих услуг. Наконец, после приезда МДР в Саудовскую Аравию, ИА встречает ее в аэропорту и отвозит к нанимателю. На время действия контракта, посредники должны обеспечивать МДР необходимые дополнительные услуги, например, защищать интересы домашней работницы в случае плохого обращения нанимателя.

Интересно, что такое частное администрирование оплачиваемого домашнего труда обходится недешево. Оно включает оплату услуг локального агентства (около 3500 долл. с каждой работницы), которая оплачивается ИА, а затем возмещается нанимателем (5500-6500 долл.). Доля агентства в оплате труда трудовых мигрантов варьируется в зависимости от таких факторов, как возраст, опыт, вероисповедание, владение языком и отзывы МДР, которые определяют ее «цену» на рынке.

> Частные миграционные брокеры: помощь или препятствие?

Опыт и результат миграции ЛДРМ значительно зависит от местных и иностранных брокерских фирм, которые предоставляют им стратегический ресурс, организуя путешествие за границу. В то же время, ЧМБ содействуют прекарнизации или даже

гипер-прекарнизации домашней работы мигрантов, так как подавляющее большинство из них приезжают в страны Залива в надежде изменить те прекарные условия бедности, в которых они жили на родине. Брокеры часто несут ответственность за создание структурных условий, которые мешают жизни МДР в цепочках мобильности, в основном из-за слишком больших комиссий, дезинформации и отсутствия поддержки после найма. Комиссия за услуги брокерских агентств, которая часто описывается как слишком большая и неоправданная, напрямую создает ситуацию кабального труда. Из-за того, что дорогие услуги агентств оплачиваются нанимателями, МДР оказывается привязанными к работодателям на время контракта, что создает недружественные условия труда в саудовских домохозяйствах.

ЧМБ – это «необходимое зло» на ланкийско-саудовском транс-национальном рынке заботы. Для МДР они являются инструментом реализации их миграционных траекторий и надежд на социо-экономическую мобильность. Сходным образом, для обоих государств, они служат агентами социо-экономической и политической стабильности. В целом, частные брокеры являются устойчивыми авторами ланкийско-саудовского коридора миграции.

> Заключение

Ланкийско-саудовское брокерство домашней заботы является идеальным примером проникновения капиталистического рынка в сферу социального воспроизводства и несостыковок, к которым оно приводит. На платформе неолиберальной глобализации, ЧМБ все чаще представляют домашнюю работу как востребованный товар, таким образом запуская конфликтующие дискурсы экономического потенциала и гипер-прекарности. В этом смысле, брокерство мигрантской домашней работы ставит под вопрос уместность вмешательства инструментального подхода в сферу воспроизводства. И в то же время, оно раскрывает возможность союза между репродуктивными и продуктивными аспектами политической экономии заботы. ■

Адрес для связи:
<wasana.handapangoda@jku.at>

1. Статья основана на материале проекта *'Ideal' Migrant Subjects: Domestic Service in Globalization* [«Идеальные» мигрирующие субъекты: домашняя работа при глобализации], проспонсированного Австралийским научным фондом. Код проекта M 2724-G, Грант Лиз Мейтнер, продолжительность 11/2019-10/2022. Заявитель/Начальник: Д-р Уасана Хандапангода с со-заявитель/ментор: Проф. Д-р Бригитте Ауленбахер, Университет Иоганна Кеплера, Линц, Институт социологии, кафедра социальной теории и социального анализа.